

Л е о н и д С п и в а к

Рубикон Теодора Рузвельта

Леонид Спивак

Рубикон Теодора Рузвельта

«Алетейя»

2021

УДК 929+94(73).09
ББК 63.3(7Сое)53-8

Спивак Л.

Рубикон Теодора Рузвельта / Л. Спивак — «Алетейя», 2021

ISBN 978-5-00165-251-9

Книга «Рубикон Теодора Рузвельта» – биография одного из самых ярких политиков за всю историю Соединенных Штатов. Известный натуралист и литератор, путешественник, ковбой и шериф, первый американский лауреат Нобелевской премии и 26-й президент США Теодор Рузвельт во все времена вызывал полярные оценки. Его боготворили, называли «Королем Тедди» и ненавидели как выскочку и радикала. Книга рассказывает о политических коллизиях рубежа XIX и XX веков и непростых русско-американских отношениях того времени. Книга рассчитана на широкий круг читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 929+94(73).09
ББК 63.3(7Сое)53-8

ISBN 978-5-00165-251-9

© Спивак Л., 2021
© Алетейя, 2021

Содержание

Река Теодора	7
Вкус жизни	7
Четырехглазый	16
Вернуться в детство	26
Комиссар	30
Путь к реке	41
Солнечный остров	45
Рио да Дувиды	53
Окна губернатора	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Леонид Спивак

Рубикон Теодора Рузвельта

© Л. Спивак, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

* * *

Ревекке, Анне и Виктории – трем поколениям моей семьи

Река Теодора

*Хочешь быть счастливым?
Выучись сперва страдать.*

И. С. Тургенев

Вкус жизни

Ночью, как обычно, разразился тропический ливень. Кроны деревьев разметались под порывами резкого ветра, с верхушек посыпались большие листья и обломки веток. Вместе с обрушившимся потоком настала непроницаемая темнота, лишь изредка разрываема сполохами молний. Джордж К. Черри, сотрудник нью-йоркского Музея естествознания, достал старый карандаш и путевой блокнот. «Не верится, что он доживет до утра», – записал Черри 5 апреля 1914 года. Один из самых опытных исследователей бассейна реки Амазонки видел подобный исход не единожды. В исхлестанной тропическими ливнями палатке, посреди бескрайних бразильских джунглей умирал от лихорадки организатор экспедиции, писатель, журналист, историк, лауреат Нобелевской премии и один из самых известных американцев.

Его называли «Безумным Теодором» и «Королем Тедди», его боготворили и ненавидели, о нем написано трудов не меньше, чем об «отцах-основателях» Соединенных Штатов Дж. Вашингтоне и Б. Франклине. В нем причудливо соединились самые колоритные из черт американского характера: ковбой, охотник-пионер, шериф, смелый путешественник, бравый полковник, автор трех десятков популярных книг и сотен статей, искусный политик, бескомпромиссный идеалист.

Ничто не предвещало такую незаурядную биографию. Теодор родился 27 октября 1858 года в уважаемой нью-йоркской семье. Его предки числились среди первых голландских поселенцев на острове Манхэттен. Родоначальником разветвленного генеалогического древа считается некто Клаэс Мартенсен ван Розенвелт (фамилию можно перевести как «поле роз»), высадившийся, по некоторым сведениям, в 1644 году в устье реки Гудзон. Нью-Йорк в ту пору представлял собой сонную колониальную факторию в сто домов, громко именовавшуюся Новым Амстердамом. Два внука Клаэса, Йоханнес и Якобус, породили две ветви обширной династии, в каждой из которых уже в XX столетии был президент Соединенных Штатов.

Отец Теодора – уважаемый и успешный оптовый торговец импортным стеклом, мать – из плантаторской аристократии штата Джорджия, так хорошо описанной в саге «Унесенные ветром». Трехэтажный дом нью-йоркского семейства находился на Ист 20-й стрит, в непосредственной близости к Пятой авеню, уже обретавшей славу самой богатой улицы Америки. Мальчик рос хилым и болезненным, среди нянек и домашних учителей. Он страдал от сильной близорукости и заикания, но настоящим проклятием стала астма. Тедди не мог спать лежа – для него приходилось строить в постели целую гору из подушек. В минуты приступа мальчик в панике раздирает грудь до крови. По ночам отец нередко часами носил его на руках, тщетно пытаясь облегчить ребенку муки удушья.

В XIX веке не существовало эффективных медицинских средств купирования спазма бронхов. Незнакомые с этой болезнью с трудом представляют, сколь жутким бывает наступление удушья, и что еще ужаснее становится ежедневное ожидание следующего, возможно, последнего в жизни астматического приступа. Родителям Тедди нередко приходилось уже за полночь брать экипаж и возить укутанного в одеяло ребенка по пустынным улицам, давая воз-

можность мальчику дышать свежим ночным ветром. Однажды Тедди случайно услышал тихий разговор отца с матерью о том, что сын долго не проживет.

Как писал много лет спустя Теодор, из предметов домашней обстановки ему запомнилось одно украшение в гостиной: квадратный кусок малахита с золотой фигуркой русского крестьянина, везущего сани. Впоследствии он понял, что ювелирное украшение было отнюдь не экзотической безделицей для его отца. В 1851 году Рузвельт-старший совершил поездку в Россию. Колоссальное впечатление на него произвела встреча в Москве с доктором Гаазом. Обрусевший немец Федор (Фридрих) Гааз, владелец успешной врачебной практики, домов и фабрики, потратил все сбережения на облегчение участи каторжан. Рузвельт писал домой: «Он один из самых добрых людей, что я встречал».

Дом Рузвельтов в Нью-Йорке

Гааз, прозванный в народе «святым доктором», лично проводил каждую партию осужденных, идущих пешком в Сибирь. Рузвельт свидетельствовал: «Он обходил арестантов, спрашивал об их нуждах, раздавал им хлеб и лекарства». Доктор не побоялся ходатайствовать перед царем о смягчении режима узников и даже изобрел облегченные кандалы. Следуя завету Гааза «Спешите делать добро», Теодор Рузвельт-старший всю жизнь занимался благотворительно-

стью в своем городе. Он был в числе соучредителей Ортопедического госпиталя и ряда общественных учреждений Нью-Йорка. По его инициативе был основан добровольный приют для беспризорников – «уличных крыс», как называли бездомных детей ловившие их жестокосердные городские полицейские.

Четырехлетний Тедди

Свой первый запомнившийся жизненный урок младший Теодор Рузвельт получил в двенадцать лет. Мальчишки, соседи по летней даче, несильно, но обидно поколотили бар-

чука и неженку. С этого времени Тедди, по совету отца, систематически занимался физическими упражнениями. Его сестра Коринн вспоминала, как подросток фанатично укреплял свое тело монотонными, но серьезными нагрузками. Врачи же, в соответствии со взглядами того времени, напротив, считали, что юноша-астматик сможет выжить, лишь избегая чрезмерных физических усилий.

Путь многих молодых людей из уважаемых семейств Америки лежал в Гарвард. Первый университет Соединенных Штатов не столько давал хорошее гуманитарное образование, сколько представлял собой «клуб для избранных», где воспитывалась будущая интеллектуальная элита страны. Известный литератор У. Д. Хоуэллс вспоминал: «В Кембридже того времени общество хранило все лучшее от деревенских традиций – хранило сознательно, сочетая это сознание с полной осведомленностью во всякого рода других вещах. Практически каждый его житель бывал за границей, но, приобретя вкус к оливкам, не терял привязанности к местным соусам. Жизнь интеллектуальную характеризовала крайняя демократичность, и я не знаю другого города, в котором в то время, когда капитализм брал свой разбег, деньги ценились бы столь низко... Возможно, люди полагали, что всякий, кто принадлежал к старому кембриджскому обществу, должен быть из хорошей семьи, иначе бы он просто не смог там поселиться».

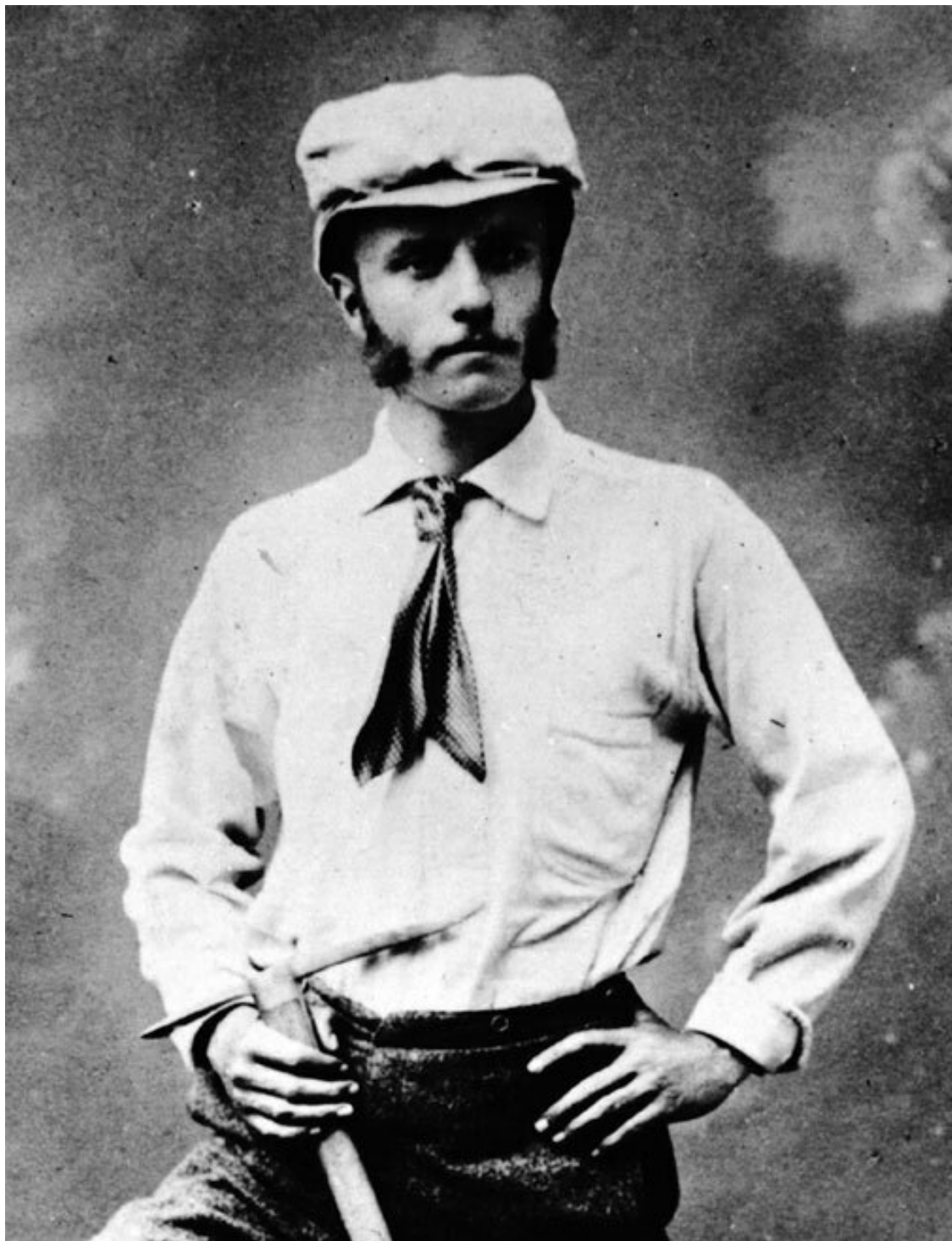
Теодор Рузвельт вошел в увитые плющом старые гарвардские ворота осенью 1876 года. Жизнь избалованного американского патриция, казалось, шла по накатанной колее. Соученики Тедди вспоминали франтоватый внешний облик студента, единственного на курсе имевшего собственный экипаж. Его ухаживания стала принимать Элис Х. Ли, голубоглазая блондинка, дочь одного из крупнейших банкиров Бостона. Родители и друзья называли улыбку белокурой Элис «солнечной». Настойчивый и ревнивый Теодор, по слухам, даже обзавелся дуэльными пистолетами из Франции, чтобы отваживать возможных соперников.

Он был молод, богат и удачлив. Однако первый серьезный удар судьбы не заставил себя ждать. Телеграмма из Нью-Йорка известила студента третьего курса о кончине отца, «лучшего из людей на земле», как записал в дневнике Теодор Рузвельт.

Летние каникулы двадцатилетний юноша решил провести среди скал и глухих лесов в верховьях штата Мэйн, близ канадской границы. Его проводник из местных жителей, огромный «лесной человек» Билл Сюэлл, с изумлением поглядывал на субличного городского интеллигента, который совершал изнурительные пешие переходы и мог часами находиться в седле. «Смотри за ним. Он убьет себя раньше, чем признается в усталости», – предупредил Билла домашний врач Рузвельтов. Сам же Теодор добавил «для укрепления духа и тела» еще и уроки бокса.

Рузвельт закончил Гарвард в числе лучших на курсе, женился в день своего двадцатидвухлетия и увез бостонскую красавицу в загородный семейный дом в Ойстер-Бей (*Oyster Bay*), на северном берегу острова Лонг-Айленд под Нью-Йорком. Была лишь одна царапина на фоне общего глянца: Эдит Кермит Кароу, подруга детства Теодора, которая, по слухам, была влюблена в него со школьных лет. Впрочем, на свадебном балу у Рузвельтов улыбающаяся Эдит танцевала больше других.

Еще в университете Теодор начал писать объемистую монографию «Война 1812 года на море» («*The Naval War of 1812*»), которая принесла ему репутацию серьезного историка. Со временем эта книга станет обязательной для чтения на всех кораблях военно-морского флота США. Рузвельт, между тем, начал посещать лекции по юриспруденции в Колумбийском университете. А через год, неожиданно для многочисленного клана родственников, Тедди заявил, что хочет заниматься политикой. Покойный отец вряд ли одобрил бы такой выбор: солидный бизнесмен и меценат, приложивший руку к созданию музея Метрополитен и нью-йоркского Музея естествознания, Рузвельт-старший, по семейной традиции, смотрел свысока на публичную суету, недостойную джентльмена.

Молодой Теодор Рузвельт

Нью-йоркская политическая жизнь того времени была притчей во языцех. В «сигарных комнатах», подальше от посторонних глаз, большие и маленькие партийные боссы покупали и делили голоса и должности. Годами главные назначения в Городе большого яблока совершались по воле Таммани-Холл – испытанной политической машины, приводившей к власти политиков, подконтрольных мафиозному бизнесу. Введенная боссом Таммани Уильямом Твидом система «откатов» позволяла наживаться на всем: выдаче лицензий, торговле земельными участками, получении подрядов, завышении сметы работ, монополизации обществен-

ного транспорта. Самым громким из скандалов стал долгострой окружного суда в нижнем Манхэттене. В общей сложности многолетнее возведение здания суда обошлось налогоплательщикам почти вдвое дороже, чем покупка Аляски у России. Ньюйоркцы прозвали мраморный дворец «Твидовым судом».

Молодой Рузвельт явно желал сражаться с ветряными мельницами, выставив осенью 1881 года собственную кандидатуру на выборы в Палату представителей штата от Республиканской партии в своем 21-м районном избирательном округе. На его счастье, местные партийные активисты подыскивали новую, незапятнанную кандидатуру взамен прежнего, увязшего в коррупционном скандале депутата.

Не щадя слабых легких, Рузвельт по многу часов заседал на собраниях, окутанный клубами ненавистного ему сигарного дыма, выступал перед мелкими коммерсантами и прачками, галантерейщиками и кондукторами конки, медленно, но уверенно преодолевая их недоверие к богатому «городскому хлыщу». Оказалось, что Тедди неплохой оратор и легко сходится с людьми из разных социальных слоев. Впрочем, многочисленные родственники еще много лет недоуменно качали головами, слушая истории о политических «забавах» Теодора.

Олбани, «маленький город с большими возможностями», столица штата Нью-Йорк, мог стать трамплином для начинающего политика, но играть следовало по правилам. Рузвельт с мрачноватым юмором описал в дневнике пестрое собрание из 127 членов Палаты представителей штата, большинство из которых он считал некомпетентным. Здесь были держатели ломбардов из Бруклина и продавцы виски из Буффало, коммерсанты из Саратоги и газетчики из Рочестера, мясники из Сиракуз и механики из Скенектеди. Последний из городов, к слову, был отмечен русской литературой, с большой иронией выведен Ильфом и Петровым в «Одноэтажной Америке».

Самый молодой по возрасту представитель Города большого яблока не вполне вписывался в антураж штатной легислатуры. «Зелен, как трава», – самый снисходительный из эпитетов, которыми наградили Тедди старожилы Олбани. Его улыбка с выпиравшими передними зубами, рыжие бакенбарды на британский манер, дорогая трость, модно скроенный узкий сюртук, часы с золотой цепочкой и пенсне на бархатном шнурке вызывали насмешки. К тому же этот денди, «Оскар Уайльд» (последнее здесь звучало почти как оскорбление), не обладал мощным глубоким голосом и во время реплик с места зачастую срывался на фальцет. Партийным функционерам «мальш» представлялся вполне управляемой фигурой.

На одном из заседаний вскоре после открытия законодательной сессии 1882 года депутат-новичок попросил слова и поднял вопрос о коррупционных связях финансиста Джея Гулда. «Барон-разбойник», как звали Гулда в народе, был одним из первых олигархов страны. Он контролировал значительную часть железных дорог на западе США и крупнейшую телеграфную компанию «Вестерн Юнион» (впоследствии стало известно, что Гулд читал конфиденциальные телеграммы конкурентов и использовал информацию для своей выгоды). Олигарх мог подкупить кого угодно. Но когда со своего депутатского места в Олбани поднялся «юнец» Рузвельт и обвинил в криминальной сделке с Гулдом члена Верховного суда штата Нью-Йорк, это вызвало шок в ассамблее. Суд в Соединенных Штатах всегда был в каком-то смысле «священной коровой». Председательствующий отказался предоставить слово Рузвельту и объявил окончание пленарного дня. В кулуарах Теодору посоветовали немного поостыть.

На следующее утро Рузвельт вновь попросил слова. Он с трудом дышал из-за астмы и немного заикался от волнения, но обладал убийственными фактами, собранными несколькими опытными нью-йоркскими журналистами. Джей Гулд, получая инсайдерскую информацию от подкупленных чиновников, сумел принудительно обанкротить нью-йоркскую систему метрополитена (горожане называли ее «надземка», ибо поезда ходили по эстакаде на уровне второго этажа). Процедуре банкротства и передаче «надземки» в руки Гулда содействовал Теодор Р.

Вестбрук, член Верховного суда штата. Председательствующий в легислатуре вновь отказал Рузвельту в слове.

Каждый новый пленарный день депутат Рузвельт поднимался со своего места и требовал создания специальной комиссии по расследованию деятельности судьи Вестбрука. Новость ушла в крупнейшие газеты. Спустить дело на тормозах не удавалось, пришлось создать юридический комитет, который, впрочем, работал ни шатко ни валко. Со своей стороны, Джей Гулд также не сидел сложа руки. С Рузвельтом несколько раз пытались дружески побеседовать, но он откровенно не понимал сути разговора. Нанятые сыщики Гулда «прошерстили» всю биографию законодателя и развели руками: ничего компрометирующего. Тогда олигарх решился на провокацию.

Капитолий штата Нью-Йорк

В один из вечеров в Олбани, когда Рузвельт возвращался домой с заседания, перед ним на улице упала без чувств хорошо одетая миловидная дама. Джентльмен Теодор привел ее в сознание и вызвал извозчика. Дама, придя в себя, поблагодарила Рузвельта, но попросила об одолжении: доставить ее домой, ибо чувствует себя плохо. Теодор, заподозрив неладное, отказался, но заплатил извозчику за услуги и запомнил названный адрес. Сразу же он вызвал известного ему детектива, и тот бросился вслед. По указанному адресу детектив увидел даму в полном здравии, оживленно беседовавшую с несколькими уголовного вида молодцами.

В деле Вестбрука Рузвельт не побоялся поставить на кон собственную политическую репутацию. В помпезной мраморной ассамблее штата, прозванной «политическим казино Олбани», против него играли не только опытные, маститые оппоненты, но и откровенные шулера. Судья Вестбрук сумел избежать импичмента, однако вскоре был найден мертвым в номере отеля. Ходили слухи о его самоубийстве. Официальной причиной смерти был указан сердечный приступ. Его место в Верховном суде Нью-Йорка занял Олтон Паркер, против которого Рузвельту через двадцать лет предстоит бороться на президентских выборах.

Имя «забияки Теодора» прочно поселилось на страницах газетной политической хроники. Он выдвинул несколько популярных законодательных инициатив (в частности, билль об охране труда женщин и детей), был переизбран на второй срок в легислатуру штата и даже стал в ней лидером республиканского меньшинства и кандидатом на пост спикера. «Я взлетел, как ракета», – не удержался от тщеславного замечания в частной переписке амбициозный Тедди. Старинная голландская поговорка, которую слышал в отчем доме Рузвельт-младший, гласит: «Если ты увидел церковь и конюшню, это еще не значит, что ты уже приехал».

Дакота

Четырехглазый

Паровоз выдал прощальный свисток, и гремящий состав покатило дальше, в сторону цивилизации. На пыльном вечернем полустанке осталась одинокая фигура конгрессмена из Нью-Йорка. Обозначенный далеко не на всех картах Малый Миссури только из безмерного тщеславия мог именовать себя городом. Но в нем был единственный «отель», примыкавший к станции. Помимо лавки с нехитрым набором товаров для проезжавших пассажиров здесь не было ничего примечательного. Пейзаж заслоняли три десятка дощатых домов.

Прерии Дакоты – еще не двух штатов, а огромной территории – никогда не сочлились молоком и медом. «Дурные земли» (*Badlands*), как прозвали их первые поселенцы, разорили и свели в могилу многие тысячи семей фермеров и скотоводов. Но именно в Северной Дакоте решил поселиться Теодор Рузвельт, странная для этих мест птица с гарвардским произношением и никогда не виданным здесь золоченым пенсне.

14 февраля 1884 года, День святого Валентина, праздник всех влюбленных, четвертая годовщина помолвки Рузвельта, подвел черту под всей его прошлой жизнью. За два дня до «Валентина» счастливый молодой конгрессмен принимал поздравления коллег в связи с рождением дочери. Вызванный из Олбани срочной телеграммой, Рузвельт прибыл в свой дом, где его встретил младший брат Элиот со словами: «На этом доме лежит проклятие».

На третьем этаже лежало тело матери, скончавшейся рано утром от тифозной лихорадки. Ей было сорок шесть лет, столько же, сколько и отцу Теодора. Вечером того же 14 февраля Элис Ли Рузвельт умерла на руках мужа от почечного осложнения, вызванного родами.

В колыбели лежала дочь пяти дней от роду, названная в честь своей матери Элис. Субботним утром 16 февраля два черных катафалка, украшенных розами и лилиями, медленно двигались по Пятой авеню в сторону приходской церкви Рузвельтов. Пожилой настоятель епископальной церкви Джон Холл с трудом сдерживал чувства во время службы. Молодой вдовец сидел в первом ряду с окаменевшим от горя лицом. После отпевания оба катафалка бок о бок медленно двинулись в сторону кладбища Гринвуд.

Теодор в Дакоте

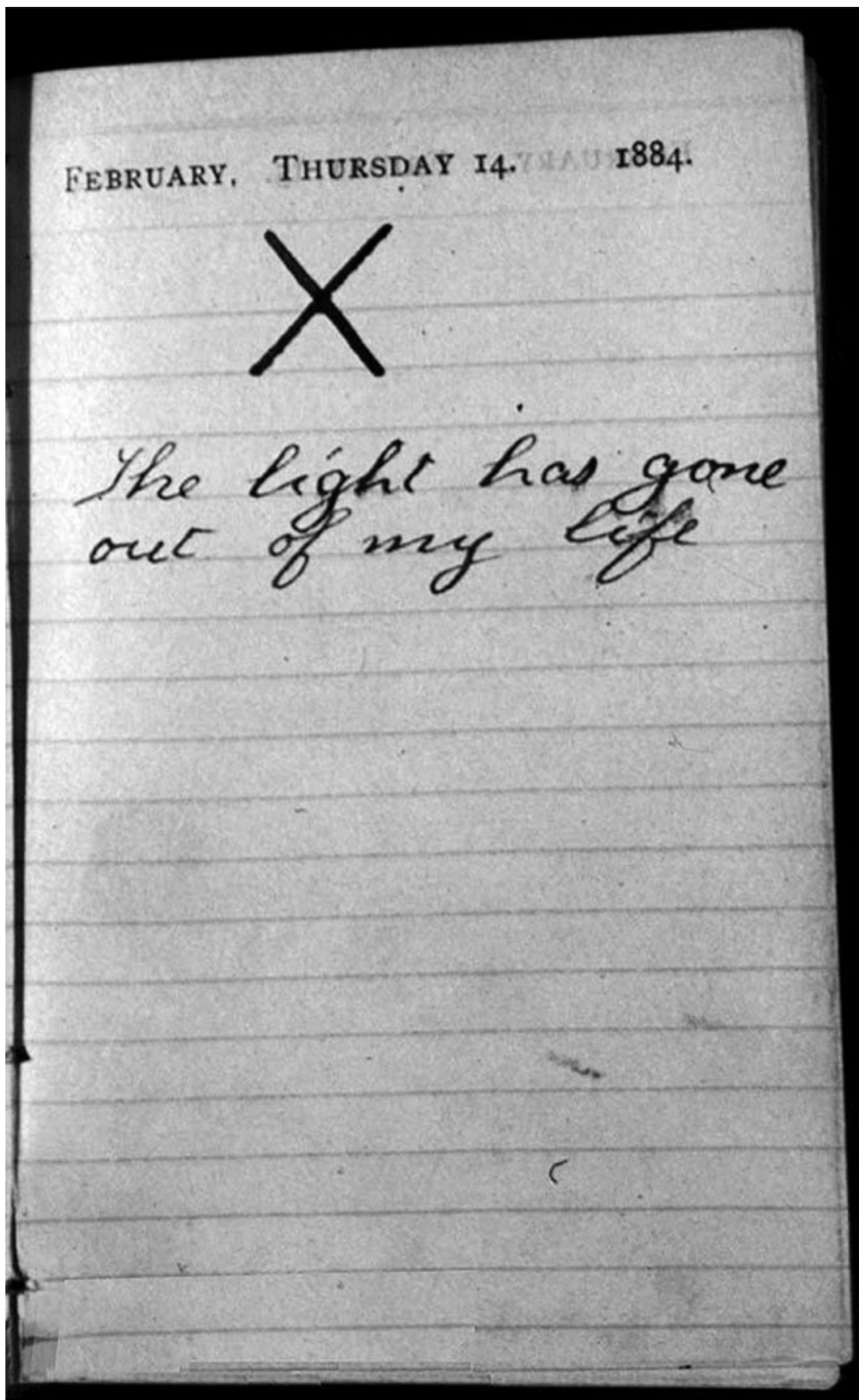
В ту ночь Рузвельт поставил черный крест на странице в дневнике и под ним написал всего одну фразу: «Свет ушел из моей жизни». Он уничтожил все письма жены и более никогда и ни с кем не говорил о своей потере. В его будущей «Автобиографии» не найдется ни единого слова об Элис. Поначалу Теодор даже избегал называть дочь по имени: в письмах сестрам он говорил о «бэби Ли».

Сам Рузвельт знал только один способ преодолевать жизненные катаклизмы: тяжелую работу и физические лишения. «Черная меланхолия редко настигает всадника, который мчится галопом», – однажды пояснил он. Мужчины в те годы не занимались воспитанием детей. Оставив дочь на попечение няnek и старшей сестры, Рузвельт заказал билет на поезд, отправлявшийся в сторону уходящего солнца.

Американский Запад в те времена заметно отличался от романтизированного Голливудом мира рискованной свободы и невероятных приключений. За первыми «экзотическими» впечатлениями скрывался ежедневный изнурительный труд ковбоев и поселенцев, борьба с засухой и пыльными бурями, обыденный и опасный мир фронта – границы цивилизации и дикой природы. Здесь Теодор Рузвельт решил начать все сначала, вложив деньги в скотоводческое ранчо. Первоначального взноса в четырнадцать тысяч долларов хватило на покупку 450 голов скота.

Рузвельту нравилось, что здесь не спрашивали вновь прибывших об их прошлом. Люди отвечали за самих себя и собственные поступки в настоящем. Револьверы и ружья на Диком Западе становились средством общения, когда возникал обман или мошенничество, и тогда векселя и невозвращенные долги нередко оплачивались пулями. Но дружба и верность своему слову обретали здесь совершенно особую, первозданную ценность. Отсюда до грохочущего, вечно спешащего Нью-Йорка, казалось, было так же далеко, как до сияющих в небе крупных звезд, и люди вели совсем другие разговоры: о больших ураганах и ранних заморозках, приходящих и уходящих человеческих жизнях.

Своему ранчо, состоявшему из трех простых бревенчатых построек, Рузвельт дал название «Мальтийский крест» – по форме клейма его долгогогих коров. Первые письма Тедди сестрам полны оптимизма: «Зимой я потерял 25 голов из-за волков, морозов и т. д., но остальные в прекрасной форме, и сейчас у меня полторы сотни телят».

«Свет ушел из моей жизни» – запись в дневнике Рузвельта

На ранчо Теодора (Рузвельт в центре)

Жилище Рузвельта в Северной Дакоте

Поначалу Тедди вызывал ироничные улыбки своими «городскими» манерами. Местные жители прозвали его «четырёхглазым» – из-за золоченого пенсне. Как писал Рузвельт, очки в здешних краях считались признаком «порочной природы». Однажды загорелые ковбои чуть не попадали с лошадей, услышав обращение Рузвельта: «Джентльмены, не будете ли так любезны оказать мне некую услугу?»

Историкам нравится приводить эпизод, случившийся с начинающим скотоводом в одном из салунов на границе с Монтаной. Здесь «отдыхали» перегонявшие стада ковбои. Подвыпивший детина решил «выяснить отношения» с легкой, по его мнению, жертвой – сидевшим у барной стойки, но не пьющим сублильного вида очкариком. Ковбой наставил на него два пистолета и предложил «разобраться». Теодор поднялся ему навстречу и, как пишут историки, применил на практике знания бокса. Отправленный в нокаут ковбой успел разрядить оба пистолета в потолок бара. Рузвельт невозмутимо разъяснил спутникам секрет успешного удара: молодой человек опрометчиво стоял чересчур близко к нему и слишком сдвинул каблуки.

«Он мирно жил в хранительной глуши», – написал Байрон о знаменитом охотнике Д. Буне, ушедшем от цивилизации на американский Запад. Начитанный выпускник Гарварда мирной жизни не искал. «Четырёхглазый» постепенно обретал доверие у своих помощников и местных жителей, проводя долгие часы в седле, обгорая в жару и коченея в стужу, наравне со всеми деля тяготы ковбойской жизни. Бывший конгрессмен научился владеть лассо и клеймить скот, переходить вброд реки и пользоваться всеми видами оружия. Его уважали за честность. Однажды Рузвельт обнаружил в своем стаде породистого бычка с чужим клеймом. Работник, оправдываясь, клялся, что бычок приبلудный, но Рузвельт уволил его: «Если ты смог украсть для меня, то сможешь украсть и у меня».

На ночных выгонах степные волки, молния, гром или выстрел могли мгновенно поднять дремавшее стадо. И тогда случалось то, чего боялись самые бывалые из ковбоев. Тысячи объятых ужасом животных мчались во мраке ночи, не разбирая дороги, ломали ноги, давили упавших и подымали на рога лошадей с пастухами. Надо было обладать мужеством и ловкостью, чтобы завернуть, остановить обезумевшее стадо.

Сестры в Нью-Йорке получали серые, слегка помятые конверты с торопливым почерком Тедди: «Пишу тебе на перевернутой бочке с водой около нашего крытого холстом фургона, пока готовится чай, а лошади пасутся вокруг. Надеюсь, что ковбой, которого мы случайно здесь повстречали, занесет это письмо на почту в семидесяти милях отсюда». Письма Рузвельта наполнены реалистическими деталями и романтическими отступлениями. Он словно заново рождался в этом девственном, еще не знавшем цивилизации мире: «Мы ночевали среди травянистых холмов, а по ночам волки устраивали свои странные концерты вокруг лагеря. Но они самые безвредные из хищников». Кого имел в виду Теодор, когда писал эти строки: громадных медведей-гризли или двуногих хищников?

Как вспоминал в «Автобиографии» Рузвельт, он некоторое время выполнял обязанности шерифа «в северной части нашего округа», что говорит о растущем доверии к нему местных жителей. Известна старая ковбойская поговорка: «Стать президентом может любой, а ты попробуй быть шерифом в наших краях». Однажды Рузвельт преследовал несколько дней и в одиночку взял трех воров. Вопреки нравам Дикого Запада, шериф не застрелил грабителей на месте, а доставил их в судебную управу за несколько десятков миль, чем вызвал искреннее удивление служителей Фемиды. Ночью, чтобы не заснуть у костра рядом со связанными бандитами, он читал «Анну Каренину».

«Толстой – великий писатель, – делился собственными ощущениями Теодор в письме Коринн. – Ты замечала, что он никогда не комментирует действия своих героев? Он рассказывает, что они думают и делают, не поясняя читателю, хорошо это или плохо. Так Фукидид писал историю – факты делают его работу не морализаторской, но отнюдь не лишенной морали».

Рузвельт в «Дурных землях» Дакоты поначалу стеснялся своей «барской» привычки к чтению. Заказанные им книги прятались в большой сундук, но любовь к хорошей литературе была страстью всей теодоровой жизни. Потаенной «избой-читальней» стала охотничья хижина, которой Тедди дал название «Олений рог», в сорока милях от Малого Миссури. Здесь, в затерянном краю, сидя между развешенными для просушки бизоньими шкурами, он вновь стал делать наброски к будущим историческим сочинениям. Во всей округе вряд ли нашелся бы кто-нибудь, разделявший тайную страсть «пастуха в пенсне».

В созданной спустя много лет «Автобиографии» Теодор вернется к своей жизни в Дакоте, описав ее тем великолепным рузвельтовским языком, который принес ему любовь миллионов читателей. «В те дни это был еще Дикий Запад, Дальний Запад. . . Земля огромных безмолвных пространств, одиноких рек и равнин, где непуганные звери провожали взглядом проезжавшего всадника. Это была земля редких ранчо со стадами долгорогих коров, земля отважных наездников, которые, не дрогнув, смотрели в глаза жизни и смерти. На этой земле мы вели свободную и трудную жизнь, не расставаясь с конем и винтовкой. Мы работали под палящим солнцем в зените лета, когда воздух прерий мерцал и колыхался от зноя; мы знали безжалостный ночной холод верховых караулов скота поздней осенью. Нежной весной звезды сияли нам в глаза каждую ночь, пока мы не засыпали; зимой мы скакали сквозь слепящие метели, и снежная пыль обжигала нам лица. . . Мы знали труд и лишения, голод и жажду; и мы видели гибель людей, когда они спасали скот или в припадке ярости воевали друг с другом, но мы чувствовали биение дерзкой жизни в наших венах, и слава труда и радость бытия не покидали нас».

На великих просторах американского Запада обретали новую жизнь разнообразные персонажи. У самого Рузвельта оказался беспокойный сосед: хозяин обширного поместья, молодой французский авантюрист, маркиз Антуан-Амедей де Мор. Говорили, что в Париже он убил двух противников на дуэли, сбежав затем от правосудия за океан. Здесь он женился на дочке нью-йоркского финансиста с Уолл-стрит и собирался на средства тестя разбогатеть на поставках говядины. Свое имение в Дакоте маркиз назвал Медорой, по имени супруги. Вокруг денежного француза собирались «крутые парни» с темным прошлым, спорить с которыми мало кто решался. Медора иногда наезжала к своему маркизу; специально для нее де Мор заказал «охотничий экипаж» с полевой кухней, фарфоровым сервизом и атласными простынями.

Антуан-Амедей рассчитывал, выстроив систему скотобоев и наладив поставки мяса вагонами-рефрижераторами, стать одним из богатейших людей американского Запада. В узком кругу парижский аристократ с мушкетерской бородкой и длинными нафабранными усами говорил о своей принадлежности к королевскому дому и надеялся с помощью американских денег и военного заговора заполнить французский трон.

Маркиз де Мор

«Люди маркиза» вели себя вызывающе, особенно на общих выгонах, но до серьезных столкновений между Рузвельтом и де Мором поначалу не доходило. Через год с небольшим, в сентябре 1885 года, Антуан-Амедей решил, что настало время для куража. «Мой дорогой Рузвельт, принципы заставляют меня взять быка за рога», – выказал галльский темперамент маркиз. Перечислив свои претензии соседу, он послал прямой вызов на дуэль: «Я к вашим услугам, между джентльменами подобные вопросы разрешаются напрямую».

Теодор не мог отступить, чтобы не стать посмешищем для всей округи. Но его ответ поразил даже отпетых дакотских сорвиголов. Рузвельт принял вызов и предложил стреляться

из убойных винчестерских винтовок с расстояния в двенадцать шагов. Маркиз предпочел умерить парижский гонор. Холодный мир между соседями был восстановлен.

Зима в «Дурных землях» начиналась рано, иногда в октябре. Ледяной ветер с песком и снежной крупой ослеплял и сбивал с ног погонщиков и скот. Ночью столбик термометра опускался до тридцати градусов ниже нуля. Но такой лютой зимы, что случилась в 1887 году, не могли припомнить даже старожилы. Снежные бураны следовали один за другим. Каждый новый день был холоднее и ужаснее предыдущего. Люди теряли в пургу дорогу к дому и замерзали, иногда прямо у порога своих жилищ. Температура опускалась до минус сорока. Даже выносливые лонгхорны, длинноногие коровы, привыкшие добывать корм из-под снега, стали гибнуть целыми стадами. Под вой ночных метелей отчаявшиеся фермеры и ковбои, достав шестизарядный кольт и последнюю порцию виски, сводили счета с жизнью.

Свернул свой бизнес амбициозный маркиз Антуан де Мор, как и другие хозяева дакотских ранчо. Рузвельтовский «Мальтийский крест» также прекратил свое существование. По весне, когда сошел снег, весь необозримый край оказался покрыт остовами погибших животных, а реки запружены и испорчены их разлагающимися останками. Теодор писал, что скотоводческий регион полностью уничтожен, а сам он «должен быть рад, что просто вернулся домой».

И все же был другой итог. По складу ума и мотивации поведения Рузвельт навсегда остался человеком с американского Запада, человеком фронта, границы. Российский культуролог Н. Анастасьев писал: «Для американцев *frontier* слово особое: надежда, вызов, символ. Надежда на лучшую долю, вызов судьбе, символ непокоя, постоянной готовности начать жизнь сначала».

Прогоревший владелец ранчо чувствовал себя победителем. Остались позади юношеское заикание и астма; теперь это был жесткий и уверенный в себе «человек-вестерн», спокойно глядевший в лицо любой опасности. Столь весомый багаж помогал неудавшемуся бизнесмену на протяжении всей его на редкость колоритной жизни.

Вернуться в детство

Задолго до того, как Теодор стал полковником, героем кубинской войны, губернатором и президентом США, он был заядлым натуралистом. «Я начинал свою жизнь как зоолог», – писал в «Автобиографии» Рузвельт. Мальчишкой он мог часами прятаться в траве, наблюдая за повадками птиц. Его комната была набита собранными за время летних путешествий коллекциями мелкой фауны. По дому нередко разносился запах химических реактивов, порой такой едкий, что прислуга в родительском доме однажды взбунтовалась, потребовав перенести теодоров «музей зоологии» на чердак. К четырнадцати годам Тедди проштудировал «Происхождение видов» Дарвина, а в студенческие годы опубликовал несколько работ по орнитологии в научных журналах.

Рузвельт говорил, что с американского Запада начиналась «романтика его жизни». Когда три десятилетия спустя бразильское правительство предложило ему возглавить весьма непростую экспедицию в джунгли Амазонки, Теодор даже не раздумывал. Нанести на карту мира новые территории, пройти никем доселе не изведанным путем – вряд ли существовал больший соблазн для бывшего дакотского ковбоя. «Это мой последний шанс побыть мальчишкой», – пояснил он близким.

Затея действительно казалась мальчишеством: экспедиция была организована из рук вон плохо. Основные хлопоты взял на себя менеджер крупнейшей американской компании по производству спортивных товаров Энтони Фиала, более известный как руководитель неудачной экспедиции на Северный полюс в 1903 году. Корабль Фиалы затерли и раздавили льды, и экспедиция два года провела в арктическом плену. В личной храбрости Фиалы никто не сомневался, но отвечавший за оснащение и снабжение новой экспедиции никогда не бывал в тропиках Южной Америки.

Другим, не менее колоритным участником бразильского предприятия был Джон Зам, католический священник и писатель, помогавший Фиале готовить экспедицию. С Рузвельтом его связывало многолетнее знакомство и любовь к творчеству Данте. В Бразилии Джон Зам бывал главным образом как натуралист-любитель. Ревностно служа святому престолу, отец Зам в то же время слыл тайным сторонником эволюционной теории – учения, подвергавшегося анафеме с каждой епископской кафедры. В 1896 году священник выпустил (под псевдонимом) книгу «Эволюция и догма», которую Ватикан внес в рескрипт запрещенных изданий, а папа Лев XIII упомянул в энциклике о так называемой «ереси американизма».

Отплывавшая из Нью-Йорка 4 октября 1913 года экспедиция поначалу не внушала опасений. Рузвельту с компаньонами предстояло пройти рекой Риу-Негру, одним из главных притоков Амазонки – район до известной степени изученный, не предполагавший чрезмерного риска и суливший богатый материал для исследований. По договору с нью-йоркским Музеем естествознания Рузвельт включил в состав экспедиции двух его опытных сотрудников: Лео Э. Миллера и Джорджа К. Черри. Первый из них был маммологом (специалистом по млекопитающим), а второй – орнитологом.

Самоуверенный Энтони Фиала утверждал, что заказал для экспедиции «все, кроме пианино». Менеджер отправил своему руководителю несколько красивых коробок с отборным чаем. «Посылаю Вам пять сортов чая, – написал он Рузвельту. – Я бы хотел, чтобы Вы отведали каждый и сообщили мне, какой из сортов предпочтете в Вашем путешествии в джунглях».

Корабль «Ван Дейк», идущий в теплые моря, возвращал Теодора в детство. «Шестилетний мальчик с Двадцатой улицы с жадным интересом читал о приключениях великого путешественника Ливингстона, – вспоминала его сестра Коринн. – Он достиг очень многих целей в жизни, но не было желания сильнее, чем мечта нанести новую реку на карту мира».

Бразильские тропические леса бросали вызов, принять который было по силам немногим. Амазонка, величайшая река мира, содержит со своими притоками более 15 процентов всех пресных вод планеты. Устье Амазонки столь обширно, что находящийся в нем остров Маражо по площади равен Швейцарии. «Царица рек» судоходна на протяжении почти трех тысяч миль – это больше, чем расстояние от атлантических скал штата Мэйн до тихоокеанских пляжей Калифорнии. Великий романтик Теодор вовсе не грезил приятным путешествием вдоль красочных тропических берегов; он собирался проникнуть в южную – гигантскую и неизведанную – часть амазонской сельвы.

Порт Баия

18 октября 1913 года корабль «Ван Дейк» вошел в бразильский порт Сан-Сальвадор-де-Баия, один из старейших городов Южной Америки и один из первых центров европейской колонизации материка. Рузвельт усмотрел приятную символику в том, что в 1832 году Баия был первой остановкой на континенте английского брига «Бигль», на борту которого находился молодой натуралист Чарльз Дарвин, взятый в экспедицию без жалования. По возвращении «Бигля» на родину и после публикации научного отчета о путешествии в Западное полушарие Дарвин стал всемирно известным ученым.

В Баие американцев во главе с Рузвельтом ждала встреча с руководителем будущего предприятия Кандидо Рондоном, полковником Корпуса инженеров бразильской армии. Сорокавосемилетний Кандидо Мариану да Сильва Рондон был сыном португальца и индианки, выходцем из самых низов отдаленного региона Бразилии Мату-Гросу (в переводе, «дремучий лес»). По окончании военной школы в Рио-де-Жанейро Рондон в течение трех десятилетий руководил прокладкой дорог и телеграфных линий, связавших его страну с Парагваем и Боливией, а также обширные бразильские штаты между собой.

Полковник Рондон неожиданно предложил Рузвельту изменить курс готовящейся экспедиции и пройти неизвестной рекой, предположительно впадающей в один из главных притоков Амазонки. В бесчисленных скитаниях по бразильским джунглям Кандидо Рондон лишь однажды, летом 1909 года, видел верховья этой крупной реки, которой дал имя Рио да Дувида (*Rio da Duvida*) – Река Сомнения. Название не несло в себе ни тени романтики и было более чем правдивым: никто не ведал размеров этой реки, направления ее русла и прочих географических характеристик. В то время необъятный бассейн Амазонки представлял собой (за исключением Антарктиды) самое большое «белое пятно» на карте мира.

Молодой Чарльз Дарвин писал в дневнике: «Что может быть интереснее, чем плыть по течению большой реки через совершенно неизвестную страну?» Чтобы добраться до известного только полковнику Рондону истока Рио да Дувида, новой экспедиции понадобилось четыре месяца. Сначала шли последние приготовления к походу. Не вникавший в хозяйственные детали Рузвельт должен был посещать пышные латиноамериканские церемонии, произносить тосты, выступать с речами и высаживать памятные деревья. В письме родным он пожаловался, что только в походе надеется отдохнуть от нескончаемой череды южных застолий и сладкого шампанского. Повседневными делами экспедиции занимались менеджеры Энтони Фиала и Джон Зам. В конечном итоге, их снабженческие просчеты поставили участников южноамериканского предприятия на грань гибели.

Новый, 1914 год путешественники встретили на одном из притоков реки Парагвай. На маленьком плоскодонном пароходике экспедиция медленно продвигалась вглубь континента, к Бразильскому нагорью – гигантскому региону, занимающему около половины площади страны. Наконец они высадились в забытом богом рыбацком поселке Тапирапуан, большую часть жителей которого составляли оседлые индейцы. Здесь заканчивалась судоходная граница цивилизации и начинался фронтир, мир девственной природы.

Жилища аборигенов Амазонки

Чтобы достичь верховьев реки Сомнения, экспедиции предстояло пересечь обширное горное плато на воловьих упряжках и мулах. В Тапирапуане, где происходило формирование каравана, начались первые трудности. Выяснилось, что американские грузы экспедиции значительно превышают физические возможности собранных здесь тягловых животных. На поиски дополнительных волов и мулов ушло немало времени.

С отходящим из Тапирапуана речным суденышком американцы отправили последние письма друзьям и близким. Один из участников предприятия, кинооператор Фрэнк Харпер, заболел малярией и вынужден был вернуться домой. В результате будущим поколениям осталось лишь небольшое количество кинохроники, запечатлевшей начальный этап бразильского предприятия. Вместе с коробками неотснятой киноплёнки на заснеженную родину отправились ящики с собранными по пути коллекциями тропической флоры и фауны, а также гигантская черепаха по имени Лиззи, которая потом много лет жила в Нью-Йорке, в зоопарке Бронкса.

Таксидермический набор Рузвельта

Тяжело нагруженному каравану под командой полковника Кандидо Рондона предстояло одолеть более четырехсот миль плоскогорья, проходя через незаселенные районы в самом сердце Южной Америки. Как отметил в дневнике отец Зам, Теодор был счастлив, «словно школьник на пикнике».

Комиссар

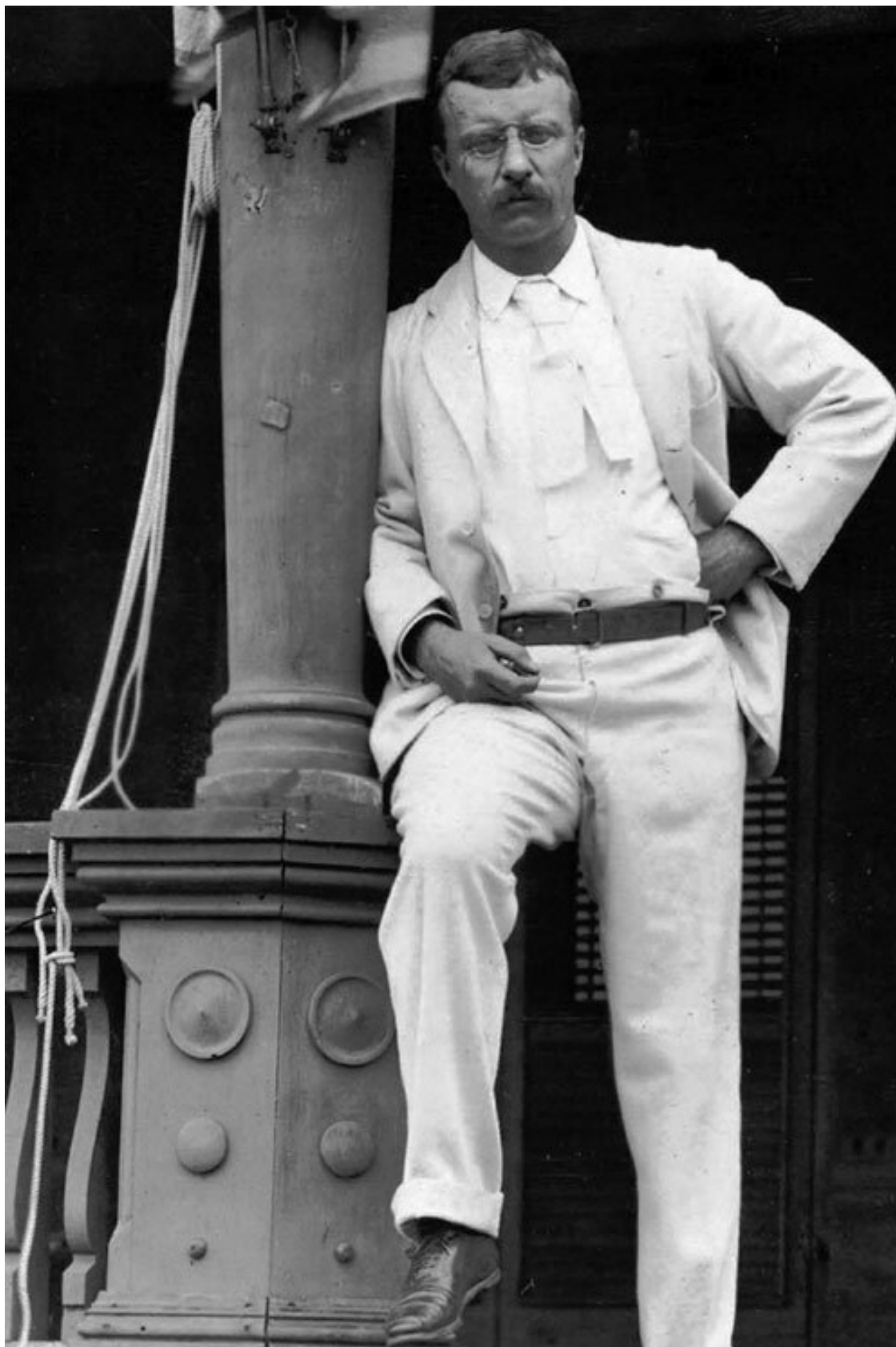
Второго декабря 1886 года в церкви Святого Георгия в Лондоне состоялась небольшая частная церемония. Теодор Рузвельт вторично вступил в брак. Новоиспеченному супругу было 28 лет; его жена, Эдит Кермит Кароу, которую он знал со школьных лет, была на три года моложе.

Ненадолго приезжая из Дакоты в Нью-Йорк проведать дочь, вдовец Рузвельт поначалу избегал общения с подругой детства. Они увиделись случайно в доме его младшей сестры Коринн. Эдит отметила разительную перемену в Теодоре: вместо анемичного франтоватого университетского юноши пред ней предстал зрелый мужчина с крепкими плечами, загорелой шеей и обветренным лицом. Во избежание светских пересудов Теодор и Эдит начали встречаться тайно, и никто, даже члены семьи, не догадывался о возникших романтических отношениях. В дневнике Рузвельта на одной из страниц появилась витиеватая заглавная буква «Е» – начальная буква имени избранницы.

Теодор и Эдит не хотели афишировать главное событие своей жизни: бракосочетание состоялось за океаном. В день свадьбы, скромной церемонии с небольшим количеством гостей, зимний лондонский туман оказался таким плотным, что заполнил церковь. Хотя жених был различим, он, на всякий случай, надел ярко-оранжевые перчатки. Шафером Теодора был английский аристократ и поэт Сесил Артур Спринг-Райс, позже британский посол в США.

Эдит Кароу (*Edith K. Carow*), как утверждали ее домашние, сразу родилась взрослой. Она была вдумчива и уравновешенна, что составляло удачное дополнение холерику Теодору. Говорили, что только Эдит могла «закулисно» повлиять на упрямого и бескомпромиссного супруга. Сам Рузвельт любил шутить, что из всех детей семьи он оказался «самым старшим и самым трудным».

Весной 1887 года, после свадебного путешествия по Европе, супруги вернулись в просторный, недавно построенный дом в Ойстер-Бей, которому Рузвельт дал звучное имя Сагамор Хилл (по преданию, на этом месте держал военный совет сагамор, как именовался вождь у некоторых индейских племен). Союз оказался удачным: помимо Элис, старшей дочери от первого брака, в семье появились еще пятеро детей – сыновья Теодор (1887), Кермит (1889), Арчибальд (1894), Квентин (1897) и дочь Этель (1891).

Теодор Рузвельт

«В их характере и привычках было много отличного друг от друга, – писал о чете Рузвельтов биограф А. И. Уткин. – Она любила умиротворение и покой, а он безудержные проявления энергии, максимальную активность. Она трепетала от вскрика любого из своих детей, а

он поощрял какой-нибудь поход по скользким стенам – риск оправдывает себя. Она упорно учила детей этикету, но все уроки теряли ценность, когда ТР при помощи пальца облизывал банку с медом».

Сагамор Хилл всегда был переполнен шумом и радостями детской жизни. Здесь признавались любые развлечения, кроме скучных. Рассказы за полночь, строительство вигвама, костер в лесу – что может быть ярче этих воспоминаний детства? Отец семейства, «настоящий ковбой», отправлялся с мальчишками на пикники и в походы, учил их обращению с лошадьми и гребле. Главным из правил похода было не обходить препятствия, а учиться преодолевать их, будь то стог сена, скала или болото.

Некоторое время Теодор подумывал о преподавательской работе в колледже, затем обратился к писательскому поприщу. Он напряженно работал над двумя книгами. Первая из них – биография известного американского политика первой половины XIX века сенатора Томаса Харта Бентона, одного из идеологов освоения западных территорий. Вторая книга – четырехтомная монография «Завоевание Запада» (*The Winning of the West*) – станет бестселлером и принесет Рузвельту общенациональную известность. Впрочем, все чаще отец семейства стал покидать дом, вновь увлеченный главным «спортом» мужчин – политикой.

Эдит К. Кароу

Одно из его первых амбициозных предприятий – попытка выставить свою кандидатуру на выборах мэра Нью-Йорка – закончилось чувствительным поражением. «Бэби Тедди» на выборах получил наименьшее количество голосов из трех претендентов. Старые заслуги Теодора в Олбани в счет не шли, а местные партийные боссы решили «не ставить на ковбоя».

На следующий после выборов день свежевыбритый Рузвельт, рассчитывая красиво попрощаться и дать последнее интервью, приехал в свой избирательный штаб. Там никого не

было. Тедди долго сидел в пустом помещении среди ненужных уже плакатов и листовок. Наконец открылась дверь, и в комнату просунулась голова местного журналиста. «Я просто хотел узнать, что они сделали с телом», – ухмыльнулся репортер.

Политическая стезя Рузвельта казалась завершённой. Он вновь погрузился в литературную работу, выпустил две книги о своей жизни на Диком Западе («Охотничьи тропы» и «Жизнь на ранчо»). Произведения на «экзотическую» тему приняли хорошо. По примеру отца Тедди состоял в попечительском совете нью-йоркского Ортопедического госпиталя и городского приюта для сирот. Сочувствие к обиженным судьбой всегда составляло некую особую сторону деятельности Теодора. В семье Рузвельта-старшего все дети оказались хрупкого здоровья. Теодор и младшая сестра Коринн страдали от астмы. Старшую сестру Анну согнул туберкулез позвоночника. Все родительские надежды возлагались на младшего из братьев, Элиота. Тот был подвижным, общительным, атлетического сложения. К счастью, отец и мать не дожили до того времени, когда повеса и душа любой компании Элиот потонет в алкоголе, а его внебрачные связи лягут пятном на репутации семьи. После неудачной попытки самоубийства Элиот окончил дни в частном психиатрическом пансионе в 1884 году.

Американский истеблишмент быстро забывает политических неудачников. Теодору же в 1889 году неожиданно улыбнулась фортуна. Президент США Бенджамин Харрисон утвердил кандидатуру Рузвельта, «молодого человека с хорошей репутацией», для работы в Федеральной комиссии по гражданской службе (*U.S. Civil Service Commission*).

Это была типичная бюрократическая должность. В обязанности чиновника входил формальный надзор за назначениями в государственном аппарате на федеральном и штатном уровнях. Идеальная стартовая площадка для молодого карьериста: кабинет в столице, налаживание полезных связей, небольшие, но ощутимые рычаги власти. Выстраивая заново политическую биографию, Теодор оставался верен себе – он предложил покончить с «испорченной» системой «раздачи местечек» (*spoils system*) за казенный счет. Суть идеи заключалась в следующем: назначения должны производиться не столько по личным заслугам, сколько по образовательной и профессиональной пригодности соискателя.

Соображения Рузвельта о конкурсном отборе на государственную службу вызывали непонимание и насмешки. Кому нужны лишние проблемы? Выгодные посты как в Вашингтоне, так и на периферии распределялись по знакомству, с учетом лояльности «своего» кандидата или же по объему внесенных им пожертвований в избирательный фонд той или другой партии. Упрямец Рузвельт настаивал на отборе претендентов через квалификационные экзамены. Газеты зубоскалили по поводу «теодоровых нововведений»: «Зачем местному почтмейстеру зубрить расстояние от Земли до Марса?» Рузвельт терпеливо разъяснял: «Расстояние до Марса необходимо знать астроному, поступающему на федеральную службу, а местному почтмейстеру столь же важно выучить географию своего штата».

В столице вокруг Теодора постепенно сложился круг друзей и единомышленников, по сути, новая интеллектуальная элита рубежа двух столетий. Среди них – восходящая звезда американской политики, сенатор Генри Кэбот Лодж; бывший секретарь президента Линкольна, литератор и будущий госсекретарь Джон Хэй; внук и правнук двух президентов США, писатель и историк Генри Адамс; английский дипломат и поэт Сесил Спринг-Райс, автор текста песни «Тебе присягаю, страна», ставшей неофициальным гимном Британской империи.

Истеблишмент на берегах Потомака воспринимал задиристого чиновника с опаской. Рузвельт произвел ревизию, поднял шум в прессе и уволил руководство погрязшей во взяточничестве нью-йоркской таможни. Затем, после поездки в Оклахому и Небраску, он сделал достоянием гласности продажу гнилого мяса в индейские резервации (благодарные индейцы назвали его «Большим белым вождем»). Все это было полбеда в глазах чинного благовоспитанного бомонда. Однажды, горячо жестикулируя, он пролил кофе на платье супруги губер-

натора. В другой раз «ковбой» неловко наступил на подол и оторвал его от юбки другой столичной дамы.

Политические взгляды Теодора Рузвельта считались радикальными для своего времени. У него было устойчивое ощущение родового единства англо-саксонской цивилизации по обе стороны Атлантики. При этом Рузвельт верил, что Соединенным Штатам предназначена роль мирового лидера – то, что сегодня выглядит само собой разумеющимся, в конце XIX столетия было далеко не очевидным. Над миром по-прежнему главенствовали мощные европейские империи. США, несмотря на ощутимые индустриальные успехи, оставались, по сути, купеческой республикой. Аграрный сектор доминировал в американском экспорте. В 1900 году большая часть населения страны жила на фермах, где не было электричества, а только керосиновые лампы. Диковинный автомобиль по-прежнему именовали «повозкой дьявола». В тот год в Америке было всего 10 миль загородных асфальтированных дорог. Водопровод и канализация оставались привилегией очень богатых людей. Средний американец бросал школу после нескольких лет обучения. Нужно было обладать изрядной фантазией, чтобы утверждать, что в грядущем столетии США уготована роль сверхдержавы.

Одним из таких «мечтателей» был молодой Теодор – явный лидер в кругу своих единомышленников. В одном из выступлений в 1899 году он заявил: «Двадцатый век вырисовывается во всей его значимости в судьбах многих государств. Если мы будем лишь созерцать события, если мы будем лениво удовлетворяться только эфемерным и недостойным миром, если мы будем уклоняться от напряженного соперничества, в котором можно выиграть, лишь рискуя жизнью и всем дорогим, более смелые и сильные народы обойдут нас и обеспечат себе господство над миром». Пока к этим словам прислушивались немногие.

Утром 6 августа 1895 года в здании штаб-квартиры нью-йоркской полиции появился новый начальник. Он был заряжен энергией, разговорчив и демонстрировал крупнозубый оскал. Все понимали, что скоро полетят головы.

Тридцатисемилетний Рузвельт получил в управление одно из самых коррумпированных ведомств Нью-Йорка. Спустя годы историки нашли и опубликовали документы о «лихих девяностых»: городская полиция «крышевала» и брала мзду с любого легального или нелегального бизнеса. Неофициальный тариф во времена Рузвельта был следующим: открытие публичного дома – 500 долларов с ежемесячными платежами в 100 долларов, месячная плата за нелегализованное «музыкальное» питейное заведение – 250 долларов, взятка за назначение на должность постового – 400 долларов, за назначение сержантом полиции – 3000 долларов, за капитанскую должность – до 10 тысяч долларов. Расходы на должность быстро окупались, ибо все платили дань – от уличного торговца папиросами до владельцев крупных предприятий.

Официально должность Рузвельта называлась «Председатель Совета нью-йоркских комиссаров». В совете были еще три представителя, но они не составили с Теодором квартета, а лишь следовали за солистом. Представитель почтенного родовитого семейства, выпускник элитного университета, диплом которого сулил отличные перспективы, с энтузиазмом занялся очисткой городского «дна». Для начала Рузвельт закрыл по воскресеньям пятнадцать тысяч нью-йоркских салунов. Закон о запрете продажи алкоголя по воскресеньям (*Sunday Excise Law*) существовал давно, но никому не приходило в голову его выполнять. Седьмой день недели был источником немалых доходов для теневого рынка. В перенаселенных иммигрантами трущобных районах Нью-Йорка салуны торговали тошнотворным пойлом, состав которого мог похвастать наличием самых невообразимых компонентов, от мутной самогонной сивухи до бормотушных суррогатных настоев, – зато всего пять центов за стакан.

Радикальное решение комиссара Рузвельта успеха не принесло. Хозяевам питейных заведений в союзе с адвокатами удалось обойти запрет. Салуны превратились в «ресторации», а

судебным решением было установлено, что маленький крендель на шесть кружек сомнительного пива в юридическом смысле является полноценной едой.

Другой юридической уловкой был закон, разрешавший воскресный алкоголь в барах при гостиницах. На практике же, многие из салунов начали сдавать крошечные подвальные или чердачные комнатки своим посетителям, провозгласив заведение «гостиницей». На нового «лимонадного комиссара» обрушился гнев многих – от желавших воскресной выпивки пролетариев до влиятельного алкогольного лобби. Одним из пострадавших от теодоровых нововведений был бармен баварского происхождения Джон Шранк. Через семнадцать лет его выстрел едва не оборвет жизнь бывшего шефа полиции.

«Я не занимаюсь общественным мнением. Я слежу за исполнением закона», – коротко ответил на нападки на пресс-конференции Рузвельт. Он не побоялся явиться на демонстрацию рассерженной немецкой общины и принес домой в качестве сувенира плакат «К черту Тедди!» В один из дней на имя комиссара в штаб-квартиру полиции пришло письмо-бомба, которую удалось перехватить.

На пути Теодора часто попадались примечательные люди, а его отличало умение выделить их, найти им достойное применение. В «Автобиографии» Рузвельт отметил встречу с нью-йоркским «потомком Маккавеев» Отто Рафаэлем. Рузвельт описал его как «крепкого малого, на лице которого был виден интеллект и добрый нрав». Отто был сыном еврейского иммигранта из России, мясника из бедного манхэттенского района Ист-Сайд. Комиссар предложил молодому парню сдать квалификационные экзамены на полицейскую службу и не ошибся. Рафаэл стал легендой нью-йоркской полиции, не раз спасая людей в самых опасных ситуациях и лично взяв нескольких известных убийц. В одной из повестей Шолом-Алейхема жители захолустного российского местечка, рассказывая о необыкновенной жизни в Америке, говорят, что в Нью-Йорке «теперь есть даже полицейские-евреи». Дружба Теодора и Отто продолжалась многие годы, они состояли в дружеской переписке, офицер не раз навещал президента Рузвельта в Белом доме.

Весьма успешным оказалось сотрудничество комиссара Рузвельта с другим иммигрантом, датским журналистом Якобом (Джейком) Риисом. Бывший плотник из Копенгагена, ставший репортером криминальной хроники в газете «Ивнинг Сан», Риис слыл знатоком потаенных мест «Большого яблока». Рузвельт прочел его книгу о трущобах Нью-Йорка «Жизнь другой половины», которая произвела на Теодора сильное впечатление. Комиссар лично явился на место работы Рииса и, не застав его в редакции, оставил записку: «Я пришел, чтобы помочь».

С наступлением темноты, закутавшись в темные плащи и вооружившись револьверами, Теодор Рузвельт и Якоб Риис отправлялись в самые опасные районы нижнего Манхэттена. В эти грязные, лишённые элементарных удобств, перенаселённые трущобы «города-дьявола» не проникал даже дневной свет. Ночью же сюда остерегались заходить самые brave полицейские. Здесь было царство воров в законе, сутенеров, держателей опиумных притонов. Максим Горький описал кварталы нижнего Манхэттена: «Я очень много видел нищеты, мне хорошо знакомо ее зеленое, бескровное, костлявое лицо... но ужас нищеты Ист-Сайда – мрачнее всего, что я знаю... В этих улицах темные впадины дверей подобны загнившим ранам в камне стен. Когда, заглянув в них, увидишь грязные ступени лестниц, покрытые мусором, то кажется, что там, внутри, все разложилось и гнойно, как во чреве трупа. А люди представляются червями...»

Якоб Риис делал ночные фотографии с помощью изобретенной им магниевой вспышки, нередко вызывая гнев обитателей домов. Публицисту Риису удалось «осветить» самую неприглядную сторону жизни мегаполиса, поведать миру о тяжких проблемах главного города Америки. Теодор называл датчанина лучшим из американцев и «макрейкером» (*muckraker*) – «разгребателем грязи». Рузвельтовское выражение вошло в историю как обозначение нарож-

давшейся группы либеральных журналистов и писателей, выступавших за социальные реформы.

Малбери-стрит

Теодор Рузвельт инспектировал ночлежки и приюты для детей, занимался нью-йоркским черным рынком, увольнял нерадивых офицеров и их покровителей-чиновников. Одним из первых разглядел перспективы комиссара писатель Брэм Стокер, автор нашумевшего романа «Дракула»: «Он станет президентом – такого нельзя ни обмануть, ни подкупить, ни запугать». И вовсе не вампиров и дракул боялись коррумпированные стражи порядка, «отдыхавшие» в салуне или борделе вместо несения патрульной службы, – гораздо страшнее было для них узреть в ночи крупнозубый оскал разъяренного комиссара.

Один мелкий торговец в нижнем Манхэттене придумал маску из целлулоида и других подручных материалов: пенсне, грозные топорщащиеся усы и большие блестящие рузвельтовские зубы. Игрушка стала популярной. Пикантность ситуации заключалась в том, что его лавка находилась на Малбери-стрит, рядом с полицейским управлением. Вскоре к нему нагрянули служители закона и конфисковали «нелицензированный» товар. Теодор Рузвельт, узнав об этом, распорядился доставить ему маску и заявил, что одобряет ее продажу.

Один из самых известных «макрейкеров» Нью-Йорка, журналист Линкольн Стеффенс, вспоминал о своем сотрудничестве с комиссаром. Стеффенс снимал рабочее помещение на Малбери-стрит напротив штаб-квартиры Рузвельта. Периодически Теодор распахивал окно своего кабинета и издавал пронзительный ковбойский клич. Журналисты со всех ног мчались через дорогу, в офис комиссара, где их ожидало очередное сенсационное разоблачение высокопоставленного коррупционера.

Глава нью-йоркской полиции посадил патрульных офицеров на велосипеды, что обеспечило им преимущество в передвижении по запруженным улицам. Комиссар распорядился установить на всех постах телефонную связь. При нем впервые появились конные полицейские фургоны. Была налажена работа с картотекой уголовного мира: введена дактилоскопия,

устроена профессиональная фотография в каждом из городских округов и применена система Бертильона – идентификация преступников по их антропометрическим данным.

Численность личного состава полиции увеличилась почти на две тысячи человек, причем все должны были сдавать квалификационные экзамены. Дискриминация экзаменуемых по признакам расовой или этнической принадлежности запрещалась. Сейчас в это трудно поверить, но только при Рузвельте была введена обязательная физическая подготовка для полисменов и стрелковая практика в тире. Он же основал первую в Нью-Йорке полицейскую академию.

Рузвельт требовал от своих подопечных вежливого отношения к горожанам – идея, которая до этого никому не приходила в голову. Впервые за много лет фигуры полицейских в синих шинелях и кожаных шлемах (прозванных в народе «фараонами») стали вызывать у жителей не страх, но уважение.

В августе 1896 года Нью-Йорк накрыла невыносимая десятидневная жара со стопроцентной влажностью. Раскаленный на солнце каменный манхэттенский мешок, особенно в его нижней части, где в переполненных съемных многоквартирных домах без водопровода жила беднейшая часть населения, начал сотнями убивать людей. Жители мрачных трущоб, куда не проникал свежий воздух, устраивались на ночь на крышах, площадках пожарных лестниц. Многие из них, включая детей, утратив во сне контроль, падали вниз. На каждом из городских углов источали зловоние горы мусора, но Нью-Йорк был не в состоянии заниматься очисткой: муниципальные лошади также гибли от жары. В богатых и бедных районах Манхэттена на мостовой лежали облепленные мухами разлагающиеся лошадиные останки.

Рабочий кабинет комиссара Рузвельта

Самым ходовым сезонным товаром до эпохи электричества был лед. Обладать этим дефицитным продуктом могли только богатые семьи. Поставщики льда в Нью-Йорке были востребованными и очень обеспеченными людьми. Свежие фрукты, устрицы на льду, холодный лимонад и мороженое регулярно поставлялись в мидтаун, зажиточную часть Манхэттена близ Центрального парка. Нищие же иммигрантские семьи не могли и мечтать о холодном компрессе больному или же маленькой льдинке-конфетке для ребенка. Комиссар Рузвельт, по роду службы входивший в городскую медицинскую комиссию, добился от властей закупки сотен тонн льда и бесплатной его развозки в бедные кварталы.

Очевидцы вспоминали, что сразу же по получении известия о раздаче льда толпы людей начали собираться в назначенных местах. Нью-Йоркская полиция по приказу Рузвельта занималась развозом и наблюдала за выдачей драгоценных холодных брикетов, которые каждый из получателей бережно оборачивал в материю и спешил унести домой. Сам глава полицейского управления отправился в кварталы Ист-Сайда наблюдать за справедливым распределением «ледяного спасения».

Теодор Рузвельт никогда не отказывал себе в удовольствии относиться к обязанностям комиссара творчески. В конце 1895 года из Гамбурга в Нью-Йорк прибыл известный антисемитский публицист и депутат Бундестага пастор Герман Альвардт для проведения серии выступлений, изобличавших «козни иудейские». Опасаясь реакции местных евреев, немецкий проповедник попросил городское полицейское управление предоставить ему охрану. Рузвельт был обязан выполнить профессиональный долг, но обеспечил защиту свободы слова на свой лад. Он распорядился выделить охрану из служивших в Нью-Йорке полицейских-евреев. Выступление «святого отца» прошло относительно благополучно (всего один гнилой помидор пролетел мимо трибуны). Заморский гость поблагодарил комиссара за хорошо организованную охрану. В ответ пастор услышал, что эти brave нью-йоркские полицейские – все, как один, иудеи. Рузвельт с видимым удовольствием разглядывал кислое лицо «борца с сионским засильем». В Нью-Йорке немец больше не появлялся.

Путь к реке

21 января 1914 года совместная американо-бразильская экспедиция под командованием Кандидо Рондона и Теодора Рузвельта отправилась к истокам Рио да Дувида. Двести пятьдесят волов и мулов и несколько десятков человек составили два сильно нагруженных каравана, которые один за другим начали долгий переход через обширное Бразильское нагорье.

Тропический ландшафт сменился пампасами. Деревья стали редкими, до самого горизонта простиралась слегка всхолмленная сухая степь. Днем воздух дрожал от зноя, ночью приходилось кутаться в одеяла. Через две недели недостаток воды и хороших пастбищ вызвал падеж мулов. Волы тоже ослабели и не могли тянуть через засушливые прерии все грузы экспедиции. С тяжелым сердцем были сброшены на землю новенькие наборы инструментов для геодезии и таксидермии, громоздкие армейские палатки, многие другие предметы, ставшие отягощающей роскошью в пути. Начальник экспедиции полковник Рондон приказал каждому участнику похода уменьшить свой багаж наполовину.

Самым большим разочарованием Рузвельта оказался американский менеджер Энтони Фиала. Бывший полярник, жаждавший новых открытий и славы первопроходца, не сумел должным образом организовать снабжение готовившейся экспедиции. Заказанный Фиалой в Нью-Йорке дорогой навигационный инструментарий не работал в тропическом климате. Пришлось отказаться от тяжелых моторных лодок, не пригодных к мелководью. Экспедиция оставляла заботливо упакованные Фиалой канистры с оливковым маслом, банки горчицы, бутылки вина – столь приятные в иных ситуациях, но обременительные в условиях тяжелого бразильского перехода. При этом в караване сократили рацион и перешли на двухразовое питание – ранним утром и поздним вечером. Перерыв от завтрака до ужина составлял не менее двенадцати часов.

Вечером, усевшись тесно у костра, путешественники гадали, сколько еще придется пройти в поисках Рио да Дувида, куда их может привести неведомая река, и как долго продлится эта экспедиция. У многих возникали мрачные предчувствия в отношении ближайше – Кандидо Рондон го будущего. Трое бразильцев – доктор, армейский офицер и ученый-ботаник – подали Рондону рапорты об отставке и вернулись в отправную точку путешествия, в индейский речной поселок Тапирапуан. По счастью, в экспедиции оказался другой опытный военный врач, Жозе Кажазейра. Полковник Рондон и Теодор Рузвельт старались всячески поднять дух участников похода. Общение происходило, по словам Рузвельта, на причудливой языковой смеси «английского, португальского, плохого французского и ломаного немецкого».

На заре, после короткого завтрака, когда погонщики-бразильцы готовили волов и мулов к новому переходу, Теодор, отложив свою алюминиевую миску, писал очередную статью для популярного нью-йоркского журнала «Скрибнерс». Публицистика всегда была его вдохновением и вносила немаловажный вклад в семейный бюджет. Цикл южноамериканских очерков позднее выйдет под названием «Через бразильские дебри» (*Through the Brazilian Wilderness*). Впрочем, на журналистику в походе почти не оставалось времени. Самый старший и самый известный участник экспедиции, Рузвельт сразу же пресек проявление знаков почтения, заявив, что во время перехода все выполняют равные обязанности.

Засушливая погода плоскогорья сменилась тропическими ливнями. Теперь у путешественников было в достатке воды, но почва раскисла и превратилась в глубокую липкую грязь, в которой скользили, падали и ломали ноги тягловые животные. Могло показаться, что экспедиция идет по необитаемой планете, где, кроме встречавшихся по пути скелетов животных и полчищ злобных оводов и слепней, нет никого. Но это было далеко не так. В начале февраля каравану предстояло пройти через земли воинственного кочевого племени намбикваров, о которых рассказывали немало плохого.

Одна из рек Бразилии

11 февраля 1914 года участники экспедиции увидели первые следы индейцев. Они наткнулись на заброшенную примитивную хижину и возле нее обнаружили останки трех недавно пропавших людей Рондона – офицера и двух солдат, которые ушли чинить телеграфные линии. Дикари убили их и закопали в землю вертикально, по плечи – в назидание другим пришельцам.

Знаменитый французский антрополог Клод Леви-Строс, посетив эти места через двадцать лет после Рузвельта, рассказывал, что мало кому из европейцев удавалось войти в контакт и выжить на территории намбикваров. Вооруженные отравленными стрелами индейцы внезапно нападали среди ночи и столь же быстро исчезали во мраке. Два каравана экспедиции Рондона-Рузвельта теперь передвигались с оглядкой, старались не разводить больших костров и выставляли на ночь часовых.

Индейцы-намбиквары

Еще через десять дней пути в лагере экспедиции появились сами намбиквары. Полковник Рондон отдал приказ выражать аборигенам дружеское расположение. Состоялось вручение подарков. Землисто-смуглые индейцы, одетые только в набедренные повязки, с удовольствием отведали жареное мясо мулов и постарались прихватить все, что им приглянулось: вилки, компас, часы. Тем не менее провозглашенный у костра мир позволил путешественникам следовать дальше.

Поход через Бразильское нагорье завершился через сорок дней. Оба уставших каравана добрались до берегов реки Сомнения: таинственной, сверкающей на солнце серебристой ленты, терявшейся среди сплошных мангровых зарослей. Количество провианта, вынужденно брошенного в начале пути, поставило дальнейшее предприятие на грань провала. Скромного набора продуктов могло хватить всего на месяц с небольшим водного путешествия. Но кто мог просчитать длительность предстоящего перехода сквозь бескрайние тропические дебри?

Кандидо Рондон решил отослать назад большую часть своих людей и нанятых им «комрадас» – местных носильщиков и гребцов. Поредевшая экспедиция, оставшаяся без лодок, должна была продолжить свой водный путь в нескольких больших каноэ, примитивным индейским способом выдолбленных из стволов деревьев. За год до предпринятого путешествия

Рузвельт написал в «Автобиографии»: «Я всегда считал, что люди, имеющие моторные лодки, многое упускают. Если бы они пересели на гребные лодки или каноэ и взяли в руки весла... то получили бы гораздо больше, чем получают, перекладывая свою работу на бензиновый мотор». Ему не раз пришлось вспомнить об этих словах на своенравной бразильской реке.

Теодор Рузвельт сократил число американских участников предприятия. К их великой досаде, менеджеры Энтони Фиала и Джон Зам, не проявившие должных качеств в походе, были оставлены на берегу. Рузвельт, будучи неплохим дипломатом, позволил обоим путешественникам сохранить лицо: под началом профессионального натуралиста Лео Миллера они могли продолжать исследования в тропиках и встретить основную экспедицию у слияния двух больших притоков Амазонки – предполагаемого места прибытия людей Рондона и Рузвельта.

Добравшиеся до верховий Рио да Дувида путешественники были до такой степени измотаны четырехмесячным бразильским предприятием, что могли надеяться только на одно: дальнейшее путешествие по неизвестной реке окажется тихим и спокойным. Зоолог Лео Миллер впоследствии вспоминал, как с леденящим душу ужасом думал о том, что не все участники экспедиции доберутся до места запланированной встречи.

Перед самым отплытием Рузвельт попросил орнитолога Джорджа Черри постричь его. Больше знакомый с навыками изготовления птичьих чучел, Черри поначалу пришел в замешательство, но просьбу выполнил. Теодор, взглянув в зеркало, работу одобрил, однако от фотографии на память отказался.

Солнечный остров

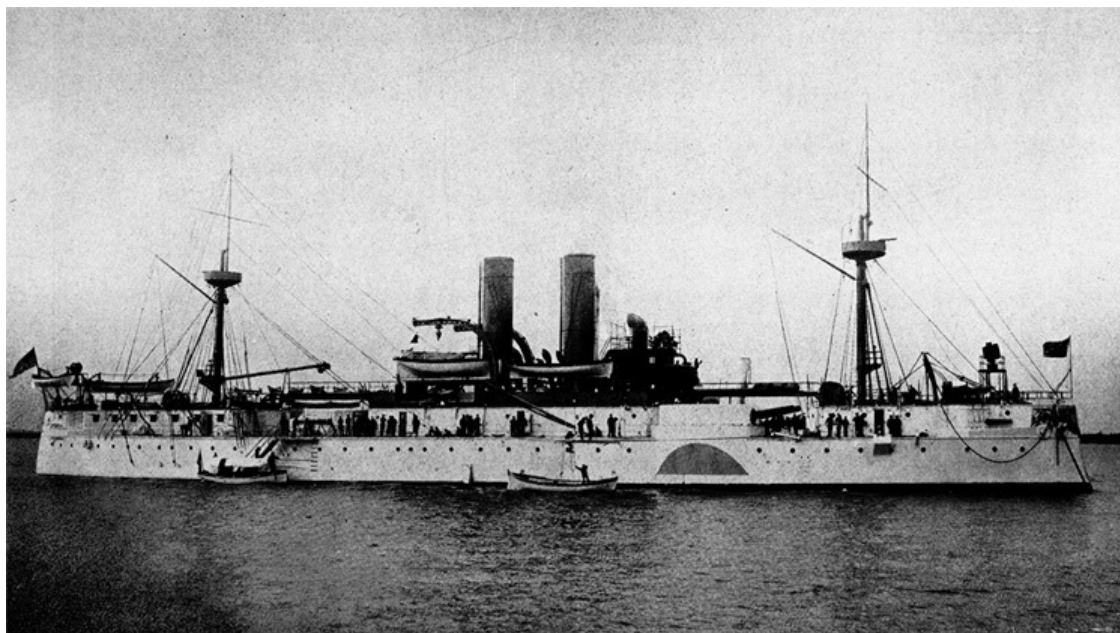
В июне 1898 года полковник российского Генерального штаба Яков Жилинский получил в Мадриде высочайшую аудиенцию у Марии-Кристины, регентши при малолетнем короле Альфонсе XIII. Русский полковник «по Высочайшему повелению» был прикомандирован военным наблюдателем к испанским войскам на «антильском фронте». К тому времени почти три года длилось восстание против испанских колонизаторов на Кубе. «Жемчужина Антильских островов» пребывала в агонии. Как писал полковник Жилинский, «пагубная колониальная политика, заключающаяся в лишении местных уроженцев, испанцев-креолов, всех политических прав... и чрезвычайно дурная и корыстная администрация вызвали в колониях частые восстания, а подавление каждого из них стоило огромных денег и ложилось тяжелым бременем на бюджет...»

Подавлением сопротивления занимался безжалостный палач, испанский командующий Валериано Вейлер-и-Николау. На территории генерал-губернаторства Куба он запретил выращивать и вывозить за границу основные сельскохозяйственные культуры: сахарный тростник, табак, кофе, какао, кукурузу. Вейлер вошел в историю как создатель первых концлагерей. В борьбе с партизанами он решил сделать большую часть гражданского населения острова «*reconcentrados*». Людей срывали с работы, выгоняли из жилищ и с небольшой этапной порцией продовольствия на руках отправляли в специально созданные лагеря под надзор испанских солдат. Все имущество крестьян – дома, посевы, скот – конфисковалось или уничтожалось. Голод, антисанитария, инфекционные болезни, издевательства надсмотрщиков приводили к высокой смертности. За два года концентрационный режим «мясника» Вейлера унес жизни около четверти миллиона кубинцев.

Американское общественное мнение, как писал полковник Жилинский, было на стороне «кубанских инсургентов». В Соединенных Штатах росло число тех, кто выступал за прямое вмешательство в многолетнюю бойню, происходившую в непосредственной близости от американских берегов. Теодор Рузвельт, в числе многих, занимал жесткую интервенционистскую позицию.

Теодор Рузвельт

Броненосец «Мэйн»

Ко времени кубинского восстания Рузвельт сделал неплохую карьеру. Молодцеватый, энергичный, он проявил себя на каждой из государственных должностей: глава Федерального комитета по гражданской службе, комиссар нью-йоркской полиции, заместитель военно-морского министра США. На последней должности он пребывал с апреля 1897 года.

До появления Рузвельта небольшое по размеру военно-морское министерство было «сонным царством» Вашингтона, порядки в котором не менялись с 1840-х годов. Флот был устаревшим, высшие чины в letech не желали радикальных перемен. Морским министром в администрации президента У. Мак-Кинли служил бывший губернатор Массачусетса Джон Д. Лонг, известный как своим консерватизмом, так и частыми отлучками из Вашингтона. Его заместитель Рузвельт, напротив, на каждом углу вещал о необходимости наращивания морской мощи США. «Динамо-машина» военно-морского строительства, Рузвельт инспектировал верфи и корабли, воевал с бюрократами, требовал новых ассигнований на флот и дал ход его перевооружению. Над Теодором подтрунивали – мол, его милитаристская риторика хороша для теплых кабинетов, и во все времена находились любители жертвовать чужими жизнями ради красивых лозунгов.

В январе 1898 года консервативное испанское офицерство, поддерживаемое местными плантаторами и церковью, устроило монархический путч в Гаване. Дело шло к полномасштабной войне всех против всех, участились случаи антиамериканских выступлений. Соединенные Штаты отправили в Гавану крейсер «Мэйн» для защиты американских жизней и имущества.

В это же время одна из нью-йоркских газет опубликовала перехваченное частное письмо испанского посла в Вашингтоне де Ломы, в котором содержались нелюбезные высказывания в адрес президента США Уильяма Мак-Кинли. Посол, в частности, назвал президента «дешевым угодливым политиканом». Испанский дипломат немедленно подал в отставку, но наэлектризованное американское общество требовало сатисфакции. Осторожный Мак-Кинли как мог тянул с принятием судьбоносного решения.

15 февраля 1898 года около десяти часов вечера рейд Гаваны потряс мощный взрыв. Окутанный дымом американский крейсер «Мэйн» быстро ушел под воду. Погибло 266 человек личного состава. Прибывшая в Гавану американская следственная комиссия пришла к заключению, что причиной гибели «Мэйна» стала детонация оружейных погребов, но подрыв

был осуществлен с помощью подводной мины. Испанские власти не смогли отвести от себя подозрения. Общественное мнение в США было единодушно как никогда. Лозунг «Помни “Мэйн!”» облетел все штаты.

Рузвельт впереди всех рвался в бой, нерешительность Мак-Кинли приводила замминистра в ярость. Когда его непосредственный начальник Джон Лонг заболел, Теодор Рузвельт отправил телеграмму командующему тихоокеанской флотилией Дж. Дьюи с приказом привести корабли в полную боевую готовность и идти в сторону Филиппин, которые были колонией Испании. Некоторые историки считают «отлучку» Лонга дипломатической игрой, в которой рискованная главная роль отводилась его молодому и горячему заместителю.

Тем временем Конгресс США принял резолюцию о признании независимости Кубы, и президент Мак-Кинли поставил под ней свою подпись. В ответ 23 апреля 1898 года Мадрид объявил войну Соединенным Штатам. Глава испанского правительства Сагаста издал меморандум следующего содержания: «Война будет короткой и решающей. Бог обеспечит нам блестящую и полную победу». На следующий день Уильям Мак-Кинли объявил набор 125 тысяч добровольцев в американскую армию.

Благодаря усилиям Рузвельта на далеких Филиппинах военно-морские силы США начали боевые действия раньше, чем на соседней Кубе. 1 мая вошедшая в Манильскую бухту эскадра адмирала Дьюи полностью уничтожила более многочисленный, но устаревший испанский флот, не потеряв в бою ни одного матроса. Рузвельт, который совсем недавно назначил Дьюи командующим эскадрой в обход ряда старших офицеров, телеграфировал победителю: «Каждый американец у вас в долгу».

У сорокалетнего Теодора Рузвельта уже давно не было сомнений в его собственных последующих шагах. Отец шестерых детей, занимавший перспективный государственный пост, регулярно бывавший на обедах и совещаниях в Белом доме, решил отправиться добровольцем на фронт. Военного опыта у него не было, а прошение об отставке означало конец карьеры в Вашингтоне. Сам Мак-Кинли отговаривал Теодора, а его непосредственный начальник Джон Лонг сказал, что тот «ведет себя, как дурак».

Рузвельт начал формировать Первый добровольческий кавалерийский полк в 1250 человек, главным образом с Запада. Это были ковбои и рейнджеры, индейцы и старатели, охотники и сорвиголовы с темным прошлым. Полк, поначалу базировавшийся в Сан-Антонио в Техасе, немедленно обзавелся собственной песней «Сегодня будет жаркий вечер в городке». Командиром соединения был кадровый военный Леонард Вуд, но справиться с дисциплиной в части мог только его харизматичный заместитель подполковник Рузвельт. К техасским волонтерам прилипла кличка «Лихие всадники» (*Rough Riders*), под которой они вошли в американскую историю.

Несмотря на разношерстный состав, кавалерийский полк прошел полный курс военной подготовки. По настоянию Рузвельта «Лихим всадникам» разрешили оставить оружие, с которым они привыкли обращаться – карабины и револьверы. Сам Теодор, помимо ежедневных строевых занятий со своими солдатами, штудировал книги по стратегии и тактике, пытаясь постичь четырехгодичный офицерский курс за несколько недель.

В июне 1898 года в порту Тампа во Флориде при погрузке армейских частей, направлявшихся на Кубу, царил неразбериха. Единственная ведущая в Тампу узкоколейка была забита воинскими эшелонами на десятки миль. Порт был загроможден тюками, бочками и ящиками, между которых с трудом пробирались люди. Солдатам приходилось проводить целые недели в вагонах или на рельсах в ожидании отправки. Плохое санитарное состояние, духота и теснота на кораблях также не способствовали поднятию воинского духа.

Бывший замминистра благодаря своим связям в штабе узнал, что его волонтерская часть останется надолго на берегу в ожидании подходящего транспорта. Тогда по приказу Рузвельта

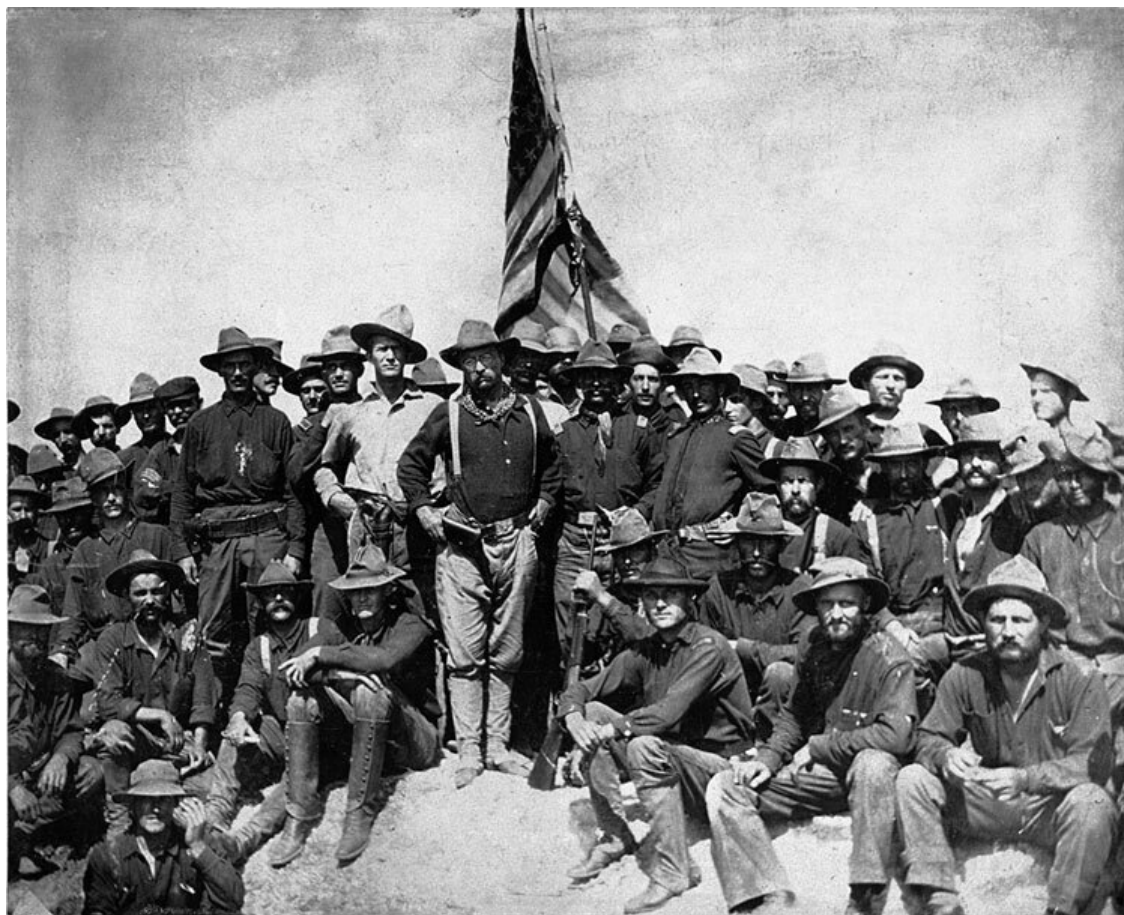
«Лихие всадники» взяли сухогруз «Юкатан» на абордаж, хотя пришлось оставить в порту почти всех лошадей. В дальнейшем удалые наездники с Запада сражались в пешем строю. По свидетельству очевидцев, после отплытия Тедди исполнил на палубе «Юкатана» победный «ковбойский танец».

Тропическая жара, протухшая вода, отсутствие лекарств, испорченная пища – первое, с чем пришлось столкнуться добровольческому полку еще до начала военной операции. Общее командование экспедиционным корпусом осуществлял тучный генерал Уильям Шефтер, почти не передвигавшийся из-за подагры. Штабные интриги и некомпетентность генералитета губили всякую инициативу. Неудивительно, что по окончании боевых действий «штатский» Теодор Рузвельт не поскупился на горькие слова в адрес военного министерства.

В отличие от армейских служб морские силы США показали прекрасную организацию и подготовку, что стало предметом особой гордости бывшего замминистра. После разгрома испанской флотилии на Филиппинах другая американская эскадра блокировала военно-морские силы испанцев в гавани Сантьяго, второго по величине города Кубы. Оставалось только замкнуть ловушку с суши.

Некоторые из историков полагают, что Теодор Рузвельт, очертя голову, ринулся на остров за славой. Однако на той войне убивали, а еще большим был риск умереть от инфекционной болезни. Полковник Жилинский особо выделял тропическую желтую и болотную лихорадки, «*катарры кишек и диссентерию*». Напомним, что эффективных лекарственных средств против инфекционных тропических болезней в те времена не существовало. В конечном итоге санитарные потери американского экспедиционного корпуса на Кубе в пять раз превысили боевые потери.

Насколько грязным и тяжелым может быть ратный труд, Рузвельт понимал как историк, знакомый в деталях с событиями кровавой четырехлетней Гражданской войны в США. Но все очевидцы в один голос утверждали, что дух уныния был неведом волонтеру Рузвельту. Он был «отцом солдатам», покупая им за свой счет еду и лекарства, подбадривая их, деля с ними все тяготы военного похода. Свой «империализм», в котором десятилетиями будут упрекать будущего президента, он доказывал не на трибунах и страницах газет, а в кубинских джунглях под испанскими пулями.

«Лихие всадники» (Рузвельт в центре)

Первые шлюпки с американским десантом попали в полосу сильного прибоя и перевернулись. Два солдата утонули, открыв счет американских потерь на кубинской земле. Волонтеры Первого кавалерийского полка оказались в непривычной ситуации. Большинство из них, в прежней жизни ковбои и фермеры, не преодолевали более мили пешком, без верного коня. Теперь же им предстояли изнурительные пешие марши с полной боевой выкладкой под палящим солнцем в условиях стопроцентной влажности. «Лихие всадники» стали именовать себя «Усталыми ходоками Вуда».

Нерасторопные интендантские службы поначалу оставили добровольцев без продовольствия. Рузвельт, отличавшийся решительностью, смог перехватить один из американских обозов с консервированными бобами. Солдат охраны сказал, что питание предназначено только для офицерского состава. Подполковник Рузвельт ответил, что забирает груз для своих офицеров. Солдат выразил сомнение в том, что офицерам одного полка нужно полтонны консервов. Серьезно взглянув на тыловика, Теодор сказал: «Ты не представляешь, какой у них аппетит».

«Лихие всадники» получили боевое крещение близ деревни Лас-Гуасимас непосредственно после высадки на юго-восточном берегу Кубы. Здесь, на пути к Сантьяго, их поджидала засада. Винтовки Маузера, которыми были вооружены испанцы, стреляли бездымным порохом, поэтому волонтеры не могли рассмотреть позиции противника. Зато дым от выстрелов американских карабинов Спрингфилда выдавал янки. За два часа боя в тропических зарослях полк Рузвельта потерял убитыми и ранеными более трех десятков солдат, но показал способность сражаться с хорошо обученными королевскими войсками. Сам подполковник находился на передней линии огня наравне со всеми, затем повел своих людей в атаку, заставив испанцев ретироваться.

Рузвельт в мемуарах приводит эпизод с обрушившимся однажды на лагерь «всадников» тропическим ураганом, когда его палатку унесло ветром: «В первый раз за две недели я позволил себе полностью раздеться, ложась спать, и был жестоко наказан за свою любовь к роскоши, когда выскочил под проливной тропический дождь и стал на ощупь искать в темноте свою одежду, оказавшуюся в жидкой грязи. Не сумев ее поначалу найти, я стыдливо приблизился к кухонной палатке, где добрый индеец-чероки Холдермен завернул меня в сухое одеяло и уложил спать на столе, который он только что раздобыл в покинутом жильцами испанском доме».

После того как Леонард Вуд получил новое назначение, Теодор Рузвельт был повышен в звании и принял командование полком. На рассвете 1 июля 1898 года наступил, как говорил Рузвельт, «самый великий день в моей жизни». Первый добровольческий полк вместе с кадровыми частями американской армии и кубинскими повстанцами должен был взять высоты Сан-Хуан, прикрывавшие подходы к порту Сантьяго. «Лихие всадники» напоролись на сильный огонь засевших на высотах испанцев. Шрапнель оторвала шедшему рядом с Рузвельтом солдату ногу, но лишь оцарапала запястье полковнику. Под шквальным огнем атака американцев захлебнулась. Пехота залегла у подножия гряды.

Полковник Жилинский писал: «Для наблюдения над неприятелем думали воспользоваться воздушным шаром, но он был поднят слишком близко от испанской позиции и вскоре был пробит горными орудиями». Связь со штабом была нарушена, и подкрепления американцам ждать не приходилось. Осадная артиллерия была где-то в пути. Некоторые из офицеров Шефтера предложили отступление.

«Штатский» полковник Рузвельт решил взять инициативу в свои руки. Верхом на жеребце он повел людей на штурм высот. Один из молодых солдат не решался подняться в атаку. «Ты трусишь встать в полный рост, когда я сижу перед тобой на коне!» – кричал на него Рузвельт. Солдат встал, и тут же был убит шрапнелью. Сам полковник потерял в бою очки, коня, был легко ранен в локоть, но первым ворвался в испанские траншеи.

«Лихие всадники» понесли самые тяжелые потери среди всех американских частей во время кубинской кампании. Взятие высот Сан-Хуан открыло американцам дорогу на Сантьяго. Через две недели испанские войска в осажденном порту капитулировали. Еще через несколько дней Мадрид запросил посредничества Франции в переговорах с Вашингтоном.

«Блестящая маленькая война», – так государственный секретарь США Джон Хэй окрестил четырехмесячные боевые действия, которые положили конец четырем столетиям колониального владычества Испании в Западном полушарии. Согласно Парижскому мирному договору Испания предоставила независимость Кубе и отказалась от своих претензий на Филиппинах. Острова Пуэрто-Рико и Гуам перешли под контроль США, а потрепанная иберийская монархия получила от американцев 20 миллионов долларов компенсации.

Военный наблюдатель Яков Жилинский, составивший для русского Генштаба обстоятельный отчет о войне на Кубе (под грифом «Не подлежит оглашению»), дослужился до генерала кавалерии. Некоторое время Жилинский занимался русскими военными реформами, был начальником Генштаба, а во время Первой мировой войны представлял Верховное командование России в совете Антанты во Франции. В 1918 году генерал был арестован большевиками в Крыму и расстрелян.

За «выдающиеся храбрость и отвагу, проявленные с риском для жизни и превышающие долг службы», Теодор Рузвельт был представлен к Медали Почета, однако ревнивое командование, запомнившее критические высказывания полковника в свой адрес, положило бумагу под сукно. Награждение было утверждено только через сто с лишним лет, в 2001 году, и Рузвельт посмертно стал первым и единственным президентом США, удостоенным высшей американской военной награды.

Рио да Дувида

В пятницу утром 27 февраля 1914 года двадцать два участника американо-бразильской экспедиции начали загружать лодки, чтобы отправиться вниз по незнакомой реке. Половина каноэ, выдолбленных из древесных стволов, внушала опасения уже в самом начале пути. «Одна пирога была слишком мала, другая – с трещинами, а еще две были старыми и протекали, – написал Рузвельт. – Остальные три были в порядке».

Самое большое каноэ длиной почти восемь метров досталось Рузвельту, бразильскому армейскому врачу Кажазейре, орнитологу Черри и трем гребцам. Во второй по величине лодке разместились руководитель экспедиции полковник Рондон со своей собакой и лейтенант Лира с гребцами – «комарадас». Остальные пироги, связанные попарно, вместили в себя основные грузы экспедиции. Тяжело нагруженные людьми, провиантом и инструментарием каноэ сидели в реке столь низко, что грозили зачерпнуть воду при любом резком движении.

Около полудня по команде Кандидо Рондона лодки одна за другой начали отходить от берега, увлекаемые быстрым течением. Через несколько минут исчез из виду шаткий деревянный мостик, построенный бразильскими солдатами, – последняя, скорее, символическая связь с отдаленной человеческой цивилизацией. Накануне полковник Рондон нанес на карту географические координаты моста: 12 градусов 1 минута южной широты, 60 градусов 15 минут западной долготы.

Двадцать два участника экспедиции остались наедине с неведомой рекой в девственной бразильской сельве. Индейские гребцы направляли лодки по безопасному руслу, ритмично и глубоко погружая в воду лопатки коротких весел. От их умения провести каноэ через все ловушки на реке зависел успех экспедиции. Первые впечатления Теодора от путешествия были оптимистическими, что нашло отражение в его дневнике: «Обширный густой лес вздымался по обе стороны. Деревья выглядели статными и красивыми, и с них, подобно гигантским канатам, свисали спутанные петли лиан. Масса растений-эпифитов росла на мертвых и живых стволах деревьев, их огромные листья напоминали слоновьи уши. С берегов доносились ароматы цветения». Таковым остался в памяти первый, весьма приятный, не считая укусов москитов, день водного путешествия.

На второй день Рио да Дувида продемонстрировала свой переменчивый характер. Ее берега, затопленные после проливных дождей, образовывали причудливые лагуны с островками, и то и дело возникали запруды из поваленных деревьев. «Мускулы вздымались на спинах и руках наших гребцов, когда им приходилось уворачиваться от очередного препятствия», – писал Рузвельт. Тем не менее, на второй день они увидели и нанесли на карту один из притоков реки Сомнения, что внушало надежды на относительную легкость путешествия по полноводной стремнине. Стиль записей Рузвельта стал поэтическим: «Пальмы по обеим сторонам реки воздвигали величественную колоннаду, а их кроны смыкались узорчатым пологом в небесах. Бабочки самых разных цветов порхали над рекой. День был пасмурным, с частыми ливнями, но когда солнце пробивалось сквозь разрывы туч, его лучи окрашивали чаши золотом».

Многие непосвященные испытывали чувство восторга при виде бескрайних вечнозеленых тропиков. Со времен Колумба, искавшего путь в Индию, а открывшего дорогу в Новый Свет, сюда бок о бок с завоевателями и колонизаторами шли ученые-исследователи, натуралисты, картографы. Новый континент был полон вымыслов, диковинных слухов, загадок. Ама-

зонка получила свое название от сказочного племени воинственных женщин с одной грудью, а страна Бразилия обязана своим именем мифическим волшебным островам в океане.

Помимо золота и других богатств европейцы надеялись найти в «четвертой части света» сакральные земли – описанный в Библии рай. В 1656 году Антонио де Леон Пинело, видный испанский историк и библиограф, потративший много лет на изучение древних манускриптов и карт, издал тысячестраничный фолиант «Рай в Новом Свете». По мнению главного хрониста испанских колоний, Эдем располагался в самом центре Южной Америки: «Телесное и подлинное место рая – в амазонской сельве». Леон Пинело даже вычертил карту «*continens Paradisi*» (райского континента) и описал его с множеством подробностей. Вывод ученого: «Именно там, где природа столь щедро расточила свои сокровища и столь наглядно явила свою мощь, и должен находиться рай, будучи средоточием всего самого лучшего, ценного и чудесного на Земле».

Современному туристу, посещающему завоеванные и окультуренные тропические оазисы, предлагается сублимация райских куш: причудливое собрание растений с огромными яркими цветами, сверкающие как самоцветы бабочки и колибри, раскрашенные, словно елочные игрушки, попугаи. И конечно, яркое солнце, благоуханный воздух, прозрачная вода, бархатные пляжи...

Ничего подобного нельзя встретить в настоящей амазонской сельве. Непроходимый тропический лес грозит человеку бесчисленными трудностями и смертельными опасностями. Среди исследователей Бразилии бытовала поговорка, что для человека, вступающего в джунгли, бывает только два приятных дня: первый – когда, ослепленный их чарующим величием и могуществом, он думает, что попал в рай, и последний – когда, близкий к сумасшествию, он бежит из этого зеленого ада.

Полковники Рондон (справа) и Рузвельт

Известный польский путешественник Аркадий Фидлер писал в 1928 году: «Ты, дерзкий человек, хочешь добыть для своей коллекции несколько птиц, голоса которых слышатся в глубине чащи? Бери ружье и нож-мачете, врежься в чашу и входи. Осторожно: вот дерево с израненной корой, из которой сочатся капли белой смолы. Если одна такая капля попадет тебе в глаз – потеряешь зрение навсегда. Вот что-то грозно зашуршало по земле – змея? Нет, это огромная ящерица. Пальма-пашиуба пирамидой расставила на поверхности земли свои причудливые корни, вооруженные страшными шипами. Укол такого шипа наносит болезненные раны, не заживающие неделями. От какого-то неведомого растения исходит аромат, мгновенно вызывающий головную боль и тошноту. И так же быстро, как возник, неприятный запах вдруг исчезает, и голова перестает болеть. Поблизости слышен детский плач. Самый настоящий захлебывающийся плач голодных малышей. На самом деле это тропические жабы».

На привале

Участникам экспедиции Рондона-Рузвельта полузатопленный лес вдоль берегов реки Сомнения представлялся поразительно пустынным, за исключением назойливой мошкары. Крайне редко доносился резкий крик тропической птицы, который сразу же замирал в странной тишине. Бразильская сельва, где все живое занято борьбой за существование, днем выглядела безжизненной. Лишь к ночи, когда лес затоплял чернильный мрак, в невидимых кронах деревьев оживал таинственный животный мир, заполняя душный тропический воздух причудливыми шорохами, криками и звуками.

Рио да Дувиды вместо ожидаемого курса на север, к Амазонке, выписывала самые замысловатые петли. Стрелка компаса вращалась во всех направлениях. «Мы не знали, что ждет нас за следующим поворотом», – писал Теодор. Каждый из участников похода по многу часов в день был занят тяжелым трудом: расчисткой топляка – поваленного леса, мешавшего движе-

нию лодок, геодезическими измерениями, поисками места для привала, разгрузкой и погрузкой каноэ, охотой на дичь. Рузвельт аккуратно заносил в дневник все текущие события. Кандидо Рондон вспоминал: «Он писал каждый вечер, никогда не оставляя свои литературные занятия, даже после самых трудных дней».

Бразильский полковник с интересом изучал одного из самых известных политиков великой северной страны. Накинув на пробковый шлем противомоскитную сетку и натянув длинные рукавицы для защиты от укусов насекомых, Рузвельт восседал на складном брезентовом стульчике, создавая очередную главу будущей книги. «Мне нравилось наблюдать его погруженным в раздумья, – вспоминал Рондон. – Он мог быть в полном одиночестве и не произносить ни слова, но его руки двигались, а голова решительно вздымалась, как будто он с кем-то спорил».

1 марта 1914 года, на третий день водного путешествия, произошел случай, едва не стоивший жизни одному из участников экспедиции. Бразилец-«комарада», расчищавший для ночлега заросли на берегу, отпрянул в ужасе, увидев перед собой кораллового аспида около метра длиной. Одна из самых ядовитых тропических змей Южной Америки явно изготовилась к атаке. Находившийся поблизости Теодор Рузвельт успел выставить ногу, и аспид впился ему в ботинок. Толстая кожа американского армейского ботинка выдержала ядовитый укус, после чего змея была зарублена мачете. Осмотрев ботинок, Рузвельт немедленно вступил с Дж. Черри в научную дискуссию о вариациях окраса встретившейся им рептилии.

Окна губернатора

В начале 1898 года Теодор Рузвельт был высокопоставленным, но мало известным в национальном масштабе чиновником. К концу года, по окончании кубинской кампании, полковник Рузвельт оказался самым популярным военным героем Америки. Вместе со славой пришло и выгодное политическое предложение. Республиканцы решили сделать полковника кандидатом на губернаторских выборах в штате Нью-Йорк. Победа «героя Сан-Хуана» представлялась легкой. Прежний губернатор-республиканец увяз в скандале, связанном с хищением общественных средств на реконструкцию канала Эри. Впрочем, имелось одно важное препятствие, имя которому было Т. К. Платт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.